ЮН СОЫН

Дом между рейсами

Юн Соын

Дом между рейсами

«Автор»
2026

Соын Ю.

Дом между рейсами / Ю. Соын — «Автор», 2026

Бортпроводница Хан Соён умеет успокоить пассажира, подхватить чужую смену и улыбнуться в конце ночного рейса, а когда хозяйка её новой комнаты спрашивает, что она ест по утрам, Соён теряется. Проще съесть слишком сладкий хлеб, чем признаться, что ей хочется чего-то другого.К госпоже Ок Соён переехала всего на месяц, пока ищет квартиру поближе каэропорту Инчхона. Напротив дома в четыре утра уже горит свет. Там пекарь Тэхо ставит в печь первую партию хлеба. Сначала Соён заходит к нему за несладкой булочкой. В следующий раз ей уже интересно, когда у него выходной.Как раз теперь в авиакомпании ей предлагают вести занятия для молодыхбортпроводников. Прежде Соён согласилась бы сразу, а теперь вспоминает о вечере, который хотела оставить для Тэхо, и о разговоре с матерью, который откладывала годами. Открыв расписание, Соён видит ещё и совершенно свободное утро. Почему-то его жаль отдавать больше всего.

© Соын Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Дом между рейсами

Глава 1
Чемодан у двери

Когда пассажиры вышли, Соён нашла в шестом ряду серую шерстяную перчатку с тёмным катышком на большом пальце.

Перчатка лежала ладонью вверх, словно хозяйка только что попросила подать ей руку и передумала. Соён подняла её двумя пальцами, оглянулась на пустой проход и позвала коллегу.

— У нас ещё один забытый пассажир.

Джиу, распрямлявшая ремень на кресле, посмотрела сначала на перчатку, потом на Соён. После ночного рейса она медленно понимала шутки и особенно переживала из-за того, что понимает их медленно.

— Передам вместе с остальными вещами, — сказала она.

На её щеке отпечатался край маски. В пучке, который на предполётном инструктаже выглядел так, будто его собирали с помощью измерительных приборов, торчала короткая прядь. Соён хотелось пригладить её, но она остановила руку. Джиу было двадцать пять, и едва ли в конце смены ей требовалась ещё одна мать.

— Ты хорошо справилась сегодня.

— С водой?

— В том числе.

В середине полёта мужчина у окна попросил горячую воду, получил её, немного подождал и нажал кнопку снова: теперь вода оказалась недостаточно горячей. Когда Джиу вернулась с кипятком, мужчина спросил, почему первая чашка была такой маленькой и нельзя ли всё-таки принести ему стакан. Джиу всё делала правильно, но постепенно стала двигаться с той осторожностью, с какой переносят полный поднос через тесную комнату, где каждый предмет стоит не на своём месте.

Соён тогда просто подошла рядом. Не стала отнимать у неё разговор, только проверила, не нужна ли помощь. Мужчина наконец занялся своим чаем. Через пять минут он спал, а Джиу ещё долго смотрела на чайник, будто тот мог дать объяснение случившемуся.

— Я ведь ничего особенного не сделала, — сказала она сейчас.

— Иногда это и есть хорошая смена.

Джиу улыбнулась, а Соён впервые за долгое время услышала собственный ответ и подумала, что за девять лет научилась произносить множество подобных фраз. Они выходили вовремя, подходили по размеру, не требовали от другого человека немедленно собраться. Ей редко приходилось искать слова на работе.

После всех процедур они вышли вместе. На служебном переходе пахло влажной уборкой и кофе. По другую сторону стекла пассажиры уже превратились в обычных людей: расстёгивали куртки, звонили встречающим, искали в сумках то, что ещё полчаса назад лежало у них в руках. Девочка в жёлтой толстовке ехала на чемодане и держала отца за два пальца. Соён машинально прикинула, удобно ли ему катить чемодан одной рукой, и заставила себя смотреть дальше.

— Вас встречают? — спросила Джиу.

— Меня? Нет.

— Я думала, может быть… — начала Джиу и смутилась, решив, что спросила лишнее.

— Меня встречает стиральная машина, — сказала Соён. — Она очень терпеливая.

Теперь Джиу рассмеялась сразу, поняв шутку раньше, чем Соён успела договорить.

У стойки с кофе она остановилась и стала искать карту. Соён уже достала свою, но Джиу выставила вперёд ладонь.

— Я угощаю. За воду.

— Не стоит.

— Вы же сами сказали, что я хорошо справилась. Позвольте мне хотя бы купить кофе как взрослому человеку.

Сонная серьёзность, с которой это было произнесено, заставила Соён отступить. Она заказала обычный американо, хотя от кофе после ночного рейса потом долго не могла уснуть. У стойки попросили назвать имя для заказа. Джиу назвала своё и добавила, что один стакан нужен не слишком горячий.

— А вам? — спросила она.

— Мне как получится.

За ними встал мужчина с маленькой переноской. Из неё смотрела рыжая кошка, совершенно не разделявшая человеческого интереса к кофе. Джиу присела, не касаясь решётки, и спросила у хозяина, можно ли посмотреть. Тот охотно развернул переноску. Он забирал кошку у дочери, переезжавшей в другую страну, и ещё не знал, где поставит дома её миски.

— Вчера купил три, — сообщил он. — Дочь сказала, нужно две. Теперь третья лишняя.

— Для гостей, — предложила Джиу.

Мужчина посмотрел на неё с недоверием, потом понял и улыбнулся. Когда он ушёл за заказом, Соён спросила:

— У тебя есть кошка?

— Нет. У хозяйки квартиры нельзя животных. Я даже рыбку не решаюсь завести.

— Рыбка ведь не шумит.

— Зато я буду переживать за неё в каждой гостинице. У меня цветок недавно погиб. Я поставила ему воду, как советовали, а он всё равно решил, что мы не подходим друг другу.

Джиу выпрямилась, взяла оба стакана и по ошибке попробовала тот, который предназначался Соён. Джиу вспыхнула и потянулась за кошельком, но Соён уже взяла второй стакан. Они дошли до места, где их пути расходились, и постояли возле указателя, допивая кофе. Джиу рассказывала, что её подруги собираются на выходных отмечать день рождения и она третий раз подряд пропускает встречу. Подруги понимают, все работают. От этого, сказала она, почему-то не легче.

Соён уже приготовила ответ про то, что со временем получится согласовывать расписание. Вместо этого спросила, давно ли они дружат.

— Со школы. Они всегда берут мне кусок торта домой. Я потом ем его на следующий день. Хорошо, конечно. Только я уже не понимаю половину шуток на фотографиях.

Джиу тут же перевела разговор на именинницу, которая заказала себе свечи, а задуть их никто не смог. История была смешная, но Соён ловила себя на желании проверить телефон. Они уже попрощались, и стоять под указателем просто ради удовольствия послушать подругу оказалось для неё делом непривычным.

В итоге первой ушла Джиу. Её ждали дома две подруги, заехавшие перед работой забрать платье. Соён смотрела, как она катит чемодан, держа стакан за бумажный ободок. Потом допила свой кофе. Он уже остыл, и теперь стало ясно, что ей достался напиток без сахара. Она даже не знала, каким был второй.

На улице было светлее, чем ожидалось. Апрельский воздух показался острым после салона; Соён достала телефон, чтобы проверить погоду, и увидела сообщение хозяйки квартиры. Та написала ещё накануне, когда самолёт готовился к вылету. Соён ответила коротким «да, конечно» и теперь открыла переписку, чтобы вспомнить, с чем именно согласилась.

Хозяйка хотела привести новых жильцов в четверг, в одиннадцать утра.

В четверг Соён должна была спать после рейса.

Она начала писать: «Извините, я буду…» — и остановилась. Хозяйка предупреждала заранее. До окончания аренды оставалось меньше двух недель. У неё тоже были дела. Можно было убрать квартиру вечером, а утром посидеть в кафе. Соён стёрла недописанное сообщение и убрала телефон.

* * *

Дверь открылась не с первого раза: ручка чемодана зацепилась за ремень сумки, сумка соскользнула с плеча, а телефон завибрировал именно в ту секунду, когда Соён пыталась удержать всё коленом. Она вошла боком, включила свет и привычно сказала:

— Я дома.

После расставания с Чунхо она несколько месяцев отучала себя от этой фразы. Потом решила, что никому не мешает говорить её пустой квартире. Иногда голос помогал понять, что смена закончилась.

На стойке всё ещё стояла оставленная перед рейсом кружка, к стенке которой присох чайный пакетик. Рядом лежала реклама стоматологии. Соён берегла конверт с прошлой осени, когда надумала купить шторы и записала на обороте размеры окон.

Разувшись, Соён поставила туфли носами к двери и заметила, насколько левый каблук ниже правого. До следующего рейса хорошо бы зайти к сапожнику. Конверт на стойке напомнил, как давно она собиралась к стоматологу, а ведь через две недели предстояло переезжать. Найти квартиру следовало хотя бы затем, чтобы узнать наконец свой новый адрес и сообщить его, куда требовалось. Когда она перебирала эти мелочи по одной, даже проверка срока страховки на телефон казалась делом пяти минут, а вместе они почему-то занимали всё утро.

Открыв холодильник, Соён увидела за бутылками воды и баночкой соуса половину лимона и контейнер, который три недели назад принесла мать. Она приподняла крышку контейнера, тут же закрыла и решила сначала принять душ.

В ванной было холодно. Пока нагревалась вода, она сняла часы и серьги, разложила шпильки на краю раковины. Последняя никак не находилась; Соён провела пальцами по затылку и неожиданно рассердилась. Не сильно, всего на секунду, но настолько, что захотелось бросить остальные шпильки в мусор.

Она нашла последнюю в волосах за ухом.

Под душем Соён вспомнила пожилую женщину из шестого ряда. Та летела к сестре и дважды спрашивала, можно ли взять домой нераспечатанную салфетку. Салфетка, разумеется, никому не была нужна, но Соён ответила так, словно женщине отдавали что-то специально выбранное для неё. Возможно, перчатка принадлежала ей. Возможно, вторая теперь лежала в кармане и хозяйка уже искала первую, убеждённая, что потеряла её ещё в аэропорту.

Соён подумала, как легко ей было представить чужой карман, чужую растерянность у выхода, и как трудно — решить, что приготовить себе на завтрак.

Она выключила воду, завернулась в полотенце и заказала рисовую кашу. Когда приложение предложило сохранить кашу в любимых блюдах, Соён нажала «позже».

До доставки оставалось двадцать пять минут, и Соён прилегла поверх одеяла с тем расчётом, чтобы встать при первом звонке. Просыпаясь, она нашарила под бедром телефон. Под щекой вместо наволочки лежало сырое полотенце, окно заливал дневной свет, но со сна всё казалось, что за дверью кто-то стоит в неурочный час.

Соён дважды извинилась перед курьером, а тот только улыбнулся и показал, где оставил пакет. На лестнице его кто-то окликнул; он ответил уже другим голосом, домашним и раздражённым. Соён закрыла дверь, перенесла еду на стойку и поела стоя, хотя до стула было меньше шага.

* * *

Мать позвонила, когда Соён раскладывала чистую форму на сушилке.

— Прилетела?

— Утром.

— Почему не написала?

— Я написала в общий чат.

— В какой общий?

Соён посмотрела на экран. Она действительно написала — коллегам, обсуждавшим следующий вылет. Матери отправила только фотографию десерта из гостиницы два дня назад.

— Прости. Перепутала.

— Ты ела?

— Да.

— Что?

— Кашу.

— Одну кашу?

Соён придержала телефон плечом и потянулась за вешалкой. Иногда ей казалось, что в материнском представлении любая еда, названная одним словом, была недостаточной.

— Мам, всё хорошо. С яйцом.

Яйца в каше не было. Соён сказала это автоматически, с той же спокойной уверенностью, с какой на борту обещала вернуться через минуту, ещё не зная, удастся ли пройти по занятому проходу.

— Когда приедешь?

— Сейчас посмотрю расписание.

— Я не спрашиваю твоё расписание.

С другой стороны что-то стукнуло: мать поставила чашку или закрыла ящик. Соён расправила плечи, будто её могли видеть.

— В следующем месяце будет легче.

— В прошлом тоже должно было быть легче в следующем.

— У меня ещё переезд.

— Так приезжай сюда. Комната есть.

— Мне отсюда до аэропорта удобнее.

— Я знаю, где аэропорт.

Пока обе молчали, на сушилке медленно покачивался рукав рубашки. Соён могла бы спросить, что мать делала сегодня, но уже чувствовала необходимость поскорее завершить разговор, пока он не стал хуже. Мать могла бы сказать, что приглашает её в гости, а не предлагает навсегда поселиться в детской комнате, но тоже ничего не сказала.

— Найду квартиру и приеду, — пообещала Соён.

— Ты не обязана приезжать сразу после того, как найдёшь квартиру.

— Я хочу приехать, — сказала Соён, закрыв глаза.

— Хорошо. Тогда приезжай.

Когда разговор закончился, она увидела пропущенное сообщение от матери: фотографию цветущей ветки на фоне незнакомой кирпичной стены. Подпись гласила: «Сегодня дошли сюда».

Соён увеличила снимок, пытаясь понять, кто такие «мы» и где находится «сюда». В углу виднелся край чьей-то синей куртки. Она написала: «Красиво» — и положила телефон.

Через минуту пришёл ответ: маленький улыбающийся цветок.

Соён собралась выходить, но не смогла найти кошелёк. Он лежал в кармане куртки, которую она не надевала две недели. Пока искала, из шкафа выпал бумажный пакет: на дне хранились фотографии, несколько открыток и связка старых пропусков.

Она поставила пакет на кровать. Верхняя фотография была сделана в первый год работы. Соён и Ынчхэ стояли на улице перед магазином, обе в одинаковых купленных на месте шарфах. Они собирались погулять всего полчаса, но свернули не туда и вернулись в гостиницу с пакетом

неизвестных фруктов, потому что постеснялись уйти от разговорчивого продавца без покупки. Ынчхэ потом долго убеждала её, что фрукты можно есть прямо так; Соён искала название в телефоне. В результате они всё-таки позвонили старшей коллеге. Та пришла, посмотрела, вымыла один плод и съела, ничего не объясняя.

На снимке у Соён было круглое от улыбки лицо. Шарф торчал в разные стороны, волосы растрепались. Она помнила, как ей тогда хотелось выглядеть опытной. Дома рассматривала фотографии коллег, которые уверенно сидели за столиками зарубежных кафе, и думала, что однажды тоже перестанет проверять время посадки каждые десять минут.

Теперь она могла заказать завтрак в нескольких странах, не читая меню. Умела быстро сложить вещи, найти в комнате неудобную розетку, высушить блузку, если времени почти не осталось. Всё это пришло постепенно, как и обещали. Только шарф с фотографии потерялся, а фрукты она больше не покупала.

Внизу пакета лежал конверт, на котором рукой отца был написан её первый рабочий адрес. Когда-то он отправил ей туда маленькую отвёртку, потому что она пожаловалась на ручку чемодана. Мать говорила, что можно купить новую ручку или отнести чемодан в ремонт; отец предпочёл выяснить, какой нужен винт. Сам винт он приклеил к картонке прозрачной лентой. Отвёртка до сих пор оставалась у Соён, винт она так и не использовала: неисправность оказалась другой.

Она провела пальцем по почтовому штемпелю, вернула конверт в пакет. Выбрасывать его не собиралась. Просто теперь нужно было решить, в какую коробку сложить то, что поедет с ней.

На звонок Соён открыла дверь и увидела, что за порогом стоит соседка с нижнего этажа, госпожа Ча, и держит картонную коробку.

— Опять перепутали номер, — сказала она. — У меня твоё.

Соён приняла коробку и по наклейке поняла, что внутри новые фильтры для очистителя воздуха. Она заказала их ещё до того, как решила не продлевать аренду.

— Простите, что пришлось подниматься.

— Лифт же есть. Ты переезжаешь?

Соседка посмотрела на пустые пакеты, развешанные на спинке стула.

— Да. Пока выбираю куда.

— Хозяйка говорила, что придут смотреть. Я тоже в следующем году собираюсь к дочери поближе. Если она раньше не переедет ещё куда-нибудь.

Они обменялись неловкими улыбками, как и подобало соседкам, за три года едва успевшим познакомиться. За эти годы Соён знала о соседке немного: та любила очень острое кимчи, ходила в мягких кроссовках и однажды придержала ей дверь, когда у чемодана заклинило колесо. Соён не знала имени её дочери. Соседка, вероятно, не знала имени Соён, хотя на коробке оно было напечатано крупно.

— У тебя нет отвёртки? — вдруг спросила госпожа Ча. — Маленькой. У часов крышка не открывается. Сын обещал зайти, но опять занят.

— Есть, — ответила Соён, оглянувшись на пакет на кровати. — Сейчас.

Она нашла отвёртку в ящике возле входа и протянула ручкой вперёд. Госпожа Ча покрутила её в пальцах.

— Такая подойдёт. Я вечером верну.

— Можно завтра. Я сейчас ухожу.

— Тогда оставлю в почтовом ящике.

Соён хотела сказать, что может сама посмотреть часы, но соседка уже благодарила и уходила. Вечером обещали прийти подруги, поэтому часы следовало повесить обратно до семи: одна из них всегда жаловалась, что не видит время с дивана.

Закрыв дверь, Соён некоторое время улыбалась. Она представляла эту подругу, которая приходила так часто, что уже имела претензии к месту, выбранному для часов. Потом заметила, что всё ещё держит коробку с фильтрами, и поставила её на пол.

До встречи с агентом оставалось сорок минут. Соён убрала фотографии в пакет. Положила его отдельно от вещей, которые ещё собиралась разобрать. На телефоне появилась короткая подпись к материнскому цветку: «Это возле нашего зала».

Она не успела спросить, какого зала. Написала: «Потом расскажешь?» — и стала искать ключи.

* * *

Агент по недвижимости говорил быстро, но терпеливо. У него было лицо человека, который за день несколько раз объясняет, что фотографии делают комнату просторнее, и каждый раз надеется, что на этот раз его поймут.

— Вы ищете на год?

— Пока да.

— А потом?

— Пока не знаю, — ответила Соён, взглянув на него.

— Работа рядом?

— В аэропорту.

— Тогда вам нужно, чтобы было удобно возвращаться ночью.

Он сказал это с такой уверенностью, что Соён почувствовала облегчение: хотя бы одно её требование уже существовало и не нуждалось в выборе.

Первую квартиру она осмотрела, почти не снимая пальто. У окна стояла кровать, в изножье — маленький холодильник. За матовой дверью помещалась ванная. В комнате было чисто; на полке специально оставили книгу и искусственное растение. Название книги Соён не успела прочитать: агент уже показывал, как открывается шкаф.

— Самое важное — сюда войдёт чемодан, — сказал он.

— А окно открывается? — спросила Соён, кивнув в сторону окна.

Он на секунду замялся, потом продемонстрировал узкую створку.

Во второй квартире окно выходило на стену. Зато в ванной оказалось большое зеркало, а возле входа — несколько крючков. Соён мысленно повесила на один форму, на другой пальто. Пока она прикидывала, куда втиснуть сушилку, выяснилось, что чемодану опять достанется место возле кровати.

— Как вам? — спросил агент.

— Удобно.

— Но? — спросил он, немного подождав.

Соён затруднилась бы объяснить, что её смущает. За такую цену найти сухую квартиру в двух шагах от транспорта было удачей. С пугающей лёгкостью она представила себе, как будет приходить сюда после смены и, скинув туфли в прихожей, открывать холодильник. И огорчало её как раз то, до чего легко один вечер было спутать с другим.

— Можно ещё подумать?

— Конечно. Только надолго не откладывайте.

Он произнёс это привычно, без угрозы. Соён извинилась за потраченное время, хотя он и сказал, что это его работа.

По дороге она зашла в магазин товаров для дома. Ей были нужны пакеты для переезда, но она задержалась у посуды. На нижней полке стояли небольшие миски: белые, голубые, зелёные с неровным краем. Соён взяла одну, перевернула, посмотрела цену. В своей квартире она пользовалась миской, которая осталась от набора Чунхо. Остальные он забрал, а эту не заметил в посудомоечной машине. Они не ругались из-за посуды. Вообще в день его отъезда почти

не ругались. Он спросил, когда она вернётся с работы, чтобы не пересечься с грузчиками; она назвала время, и всё прошло организованно.

Перед переездом покупать новую миску едва ли стоило, и Соён поставила зелёную обратно на полку.

У кассы ей позвонила подруга Ынчхэ. Они начинали летать почти одновременно, но два года назад Ынчхэ перешла на другую работу и теперь звонила в часы, которые Соён всё ещё считала слишком ранними для личных разговоров и слишком поздними для утра.

— Ты спишь?

— Стою с пакетами.

— Звучит как начало интересной жизни.

— Пакеты пустые.

— Тогда пока нет.

Соён рассмеялась и отошла от кассы, чтобы не мешать.

Ынчхэ спросила про квартиры. Соён рассказала про шкаф, окно и миску, сама удивившись, что миска попала в рассказ.

— Ты сейчас выбираешь не жильё, — сказала подруга. — Ты выбираешь, куда положить вещи, чтобы они никому не мешали.

— По-моему, это и называется жильём.

— У тебя в гостинице тоже никто не спотыкается о вещи. Но ты же не говоришь, что живёшь в гостинице.

— Иногда говорю.

— Вот именно.

На том конце кто-то попросил Ынчхэ подойти. Она ответила, что сейчас будет, и заговорила быстрее:

— Слушай, у меня сохранился контакт одной женщины в Унсо. Я у неё жила, когда меняла квартиру. Она сдаёт комнаты. Не гостиница, обычный дом. Может быть, одна свободна. Снимешь на месяц, выспишься, потом выберешь нормально.

— Комнату? С общей кухней?

— Да.

— Мне не девятнадцать.

— Ей тоже.

— Я не это имела в виду.

— Понимаю. Никто не заставит тебя дружить с соседями. Хозяйка иногда бывает сердитая. Это должно тебе понравиться.

— Почему?

— Потому что ты сможешь не стараться за двоих.

Ынчхэ опять позвали, и она попрощалась, пообещав прислать номер.

Соён некоторое время стояла возле полки с батарейками. Потом вернулась к кассе и купила пакеты. На экране уже появилось имя: «Госпожа Ок». Под ним подруга написала: «Позвони до восьми. Позже она решит, что у тебя срочный вопрос, и обидится, если окажется, что нет».

* * *

Вечером Соён выдвинула кухонный ящик и обнаружила в нём среди резинок от упаковок свечку в форме восьмёрки, инструкцию от рисоварки и целых три открывалки, которыми давно перестала пользоваться. Рисоварка сломалась год назад. Соён положила инструкцию в пакет для мусора, потом вытащила: на последней странице был записан телефон мастера. Но к сломанной рисоварке мастера уже никто не вызовет, и инструкция вернулась в мусор.

За двадцать минут пакет наполнился только наполовину.

Соён села на пол. Телефон лежал на столе слишком далеко, чтобы взять его не вставая. Она какое-то время смотрела на собственные ноги, на след от носка над щиколоткой, на полоску света под холодильником. Потом поднялась и набрала номер.

— Да? — отозвалась госпожа Ок после четвёртого гудка.

— Добрый вечер. Меня зовут Хан Соён. Ваш номер дала Ынчхэ, она жила у вас…

— Я помню Ынчхэ. Вы насчёт комнаты?

— Да. Если она ещё свободна.

— Свободна. На сколько вам?

— На месяц. Возможно, немного дольше, но я пока не знаю.

— Месяц — хорошо. Когда хотите посмотреть?

Расписание подсказывало, что в среду у неё был вылет, во вторник надо было забрать форму из чистки, в четверг привести в порядок квартиру, в пятницу…

— Я могу завтра после обеда. Или в четверг вечером. Но если вам удобнее в другое время, я подстроюсь.

— Завтра в четыре.

— Отлично. Спасибо. Мне что-нибудь принести?

— Себя, — помолчав, ответила госпожа Ок. — Вы же будете смотреть комнату.

— Конечно, — отозвалась Соён, чувствуя, как горят уши. — Я имела в виду документы.

— Документы принесёте, если договоримся. И не приезжайте раньше: я сплю после обеда.

Она продиктовала адрес, попросила повторить и попрощалась. Соён ещё несколько секунд держала телефон у уха. Весь разговор занял меньше трёх минут. Никто не интересовался, почему она не замужем, почему живёт одна, почему не может сразу снять нормальную квартиру. Никто даже не спросил, где она работает.

Она записала адрес на обороте конверта стоматологии. Потом посмотрела на размеры окон, написанные с другой стороны, и впервые выбросила конверт целиком. Адрес остался в телефоне.

Внизу хлопнула дверца почтового ящика. Соён спустилась проверить почту, хотя на сегодня уже получила всё, что ожидала. Отвёртка лежала в небольшом пакете вместе с двумя мандаринами. К ручке была приклеена записка: «Всё получилось. Спасибо. Ча».

Она поднялась наверх и сразу очистила один мандарин. Он оказался кислым; Соён съела дольку, поморщилась, разделила остальные и положила на блюдце. В квартире пахло кожурой. Ей захотелось написать соседке, что было не обязательно угощать, но номера у неё не было.

По привычке отвёртку она сунула в сумку, с которой собиралась на просмотр комнаты. Затем переложила в коробку с фотографиями: отвинчивать что-либо в незнакомом доме без приглашения было бы странно.

Хозяйка квартиры прислала уточнение: в четверг придут двое, молодая пара. Можно ли ненадолго открыть шкаф возле двери, чтобы показать глубину? Соён посмотрела на этот шкаф, набитый так, что на нижней полке не было видно задней стенки. Ответила, что можно, и начала доставать вещи.

Через десять минут вокруг лежало больше одежды, чем она рассчитывала увидеть. Чистые гостиничные тапочки, запасная сумка, купленная из-за сломанной молнии на старой, пять одинаковых чёрных футболок. Одну она надела, две сложила в пакет, оставшиеся понюхала и отправила в стирку. В глубине шкафа нашёлся маленький зонт, который она считала потерянным.

Собирать это обратно не хотелось. Соён оставила полку пустой до утра, хотя на неё вполне поместились бы полотенца. Рука сама потянулась за футболками, но она остановилась: до четверга ещё было время.

Оставшийся мандарин Соён положила в холодильник с мыслью взять его завтра с собой, но, прежде чем закрыть дверцу, передумала. Уж по дороге она найдёт где поесть, а этот мандарин съест утром за столом, когда можно будет посидеть подольше.

Перед сном Соён убрала полотенце с подушки, поставила воду возле кровати и перевела будильник. До четырёх ей было некуда спешить, и будильник на девять казался почти роскошью.

Чемодан стоял у входа, раскрытый, с одной чистой рубашкой на крышке. Соён подошла, собираясь хотя бы застегнуть его, но внутри оставались вещи из рейса. Их нужно было разобрать. Она сняла рубашку и повесила в шкаф.

Чемодан так и остался у двери с откинутой крышкой.

Глава 2
Комната на месяц

В три сорок семь Соён стояла возле дома и смотрела на калитку.

Дом оказался ниже соседних, с кирпичным первым этажом и светлой пристройкой наверху. Во дворе теснились горшки, аккуратно сдвинутые вдоль стены: в двух уже что-то зеленело, остальные ещё ждали. На верёвке сушилась одна наволочка. Ветер надувал её, словно пытался поселить внутрь невидимую подушку.

Приходить раньше госпожа Ок запретила. Соён проверила часы, прошла мимо калитки и сделала вид, что ей нужно дальше.

На углу работал небольшой магазин. Она купила бутылку воды, хотя в сумке была такая же, и долго выбирала между двумя упаковками салфеток. Продавец посмотрел на неё поверх телефона.

— Они одинаковые.

— Я вижу.

— Только здесь на четыре штуки больше.

Соён взяла большую упаковку. У неё появилось ещё четыре салфетки и оставалось восемь минут.

Из двери пекарни на другой стороне улицы вышел мужчина в светлом переднике. Он нёс пустые ящики, поставленные один в другой; верхний качнулся, и мужчина придержал его подбородком. Соён невольно шагнула вперёд, но он уже опустил ящики возле машины. Дверь закрылась, запах тёплого теста оборвался. На стекле висело объявление, написанное от руки. Прочесть его с этой стороны не получалось.

В три пятьдесят девять Соён вернулась к калитке. Над дверью был маленький козырёк, в углу которого застрял прошлогодний лист. Она дождалась, пока на телефоне сменится цифра, и позвонила.

Госпожа Ок открыла почти сразу. В комнате за её спиной работал телевизор: на экране кто-то стоял перед огромной сковородой. Хозяйка была невысокой, коротко стриженной, в сером кардигане с одним растянутым карманом. Из кармана торчала ручка.

— Соён?

— Да. Добрый день.

— Проходите. Тапочки внизу, справа. Большие не берите, они Минджэ.

Соён уже потянулась именно к большим и переместила руку.

У входа стояли две полки для обуви. На верхней лежала связка зонтов, возле нижней — щётка и совок. Пахло поджаренным луком, стиральным порошком и чем-то ещё, чего Соён не смогла определить. Она заметила коврик с вытертым углом и машинально поставила обувь так, чтобы закрыть этот угол.

— Сначала комнату или условия? — спросила госпожа Ок, убавляя звук телевизора.

— Как вам удобнее.

— Комнату, — решила хозяйка. — Вдруг вам сразу не понравится. Зачем тогда сидеть.

Лестница оказалась узкой и повернула у маленького окна. Соён представила, как будет поднимать чемодан. На повороте его придётся поставить боком. Госпожа Ок шла впереди, придерживаясь перил, и на середине остановилась поправить носок.

— Сумки здесь не оставляем. Даже ненадолго. Все знают, где стоят их сумки, пока не приходится идти в темноте.

Наверху было три двери. На одной висела круглая деревянная бирка с цифрой один, на другой — с цифрой два. Под третьей лежала сложенная вдвое газета.

— Красили порог. Уже высох.

За дверью, которую отворила хозяйка, оказалась небольшая прямоугольная комната. После квартир, где при осмотре приходилось мысленно примеривать к каждому углу собственные плечи, Соён сразу стало легче дышать. Между кроватью и стеной уместился узкий шкаф. Стол поставили у окна, и на пустой столешнице рядом с пультом от кондиционера темнела вмятина, словно кто-то когда-то уронил сюда тяжёлый утюг.

— Лампа работает, — сказала Ок. — Шкаф справа заедает, если тянуть за середину. Беритесь ниже.

— Можно я посмотрю окно? — спросила Соён, взявшись за дверцу пониже, как ей показали.

— Для этого и пришли.

За окном виднелся двор, кусок соседской крыши и бельевая верёвка. Наволочка теперь висела неподвижно. На земле лежал синий таз; в него попала веточка. Через створку, которую открыла Соён, потянуло прохладой, с улицы донёсся звук закрываемого автомобильного багажника.

— Ночью здесь тихо?

— По-разному. Мусор забирают рано. У соседей собака, она иногда считает нужным сообщать об этом.

— Я имела в виду самолёты.

— Самолёты тоже бывают, — серьёзно ответила госпожа Ок.

Обернувшись, Соён встретилась взглядом с хозяйкой. Та не улыбалась, но смотрела уже не так внимательно, как у входа.

Под кроватью помещался плоский ящик. Соён выдвинула его, обнаружила, что он пуст, и задвинула обратно. В прежней квартире под кроватью стояли две сумки с вещами, которые она собиралась разобрать после очередного отпуска. Здесь таких вещей пока не было. От этого комната выглядела свободнее, чем должна была по своим размерам.

— У вас много имущества? — спросила Ок.

— Не очень.

— Мебель?

— Только стул. И маленькая полка.

— Стул можете поставить вместо этого, если хотите. Этот хороший, но неудобный.

Хозяйка похлопала ладонью по спинке, и стоило Соён присесть, как она поняла, что та имела в виду.

— Я подумаю.

— Думайте. Внизу чай.

* * *

На кухне открывался второй, боковой выход во двор. Возле него стояла сложенная сушилка, а над раковиной висели три полотенца на отдельных крючках. Одно было подписано чёрным маркером. Соён наклонилась прочитать имя, но Ок уже доставала чашки.

— Это для рук. Синее — для стола. Маленькое в полоску вообще не кухонное, Суми опять его здесь оставила.

Она сняла полосатое полотенце и положила на подоконник.

— Кухней можно пользоваться в любое время. Сковородой лучше не греметь после десяти, но есть в тишине никто не запрещает. Третья полка в холодильнике ваша. Морозильник делим без номеров, только подписывайте пакеты. В прошлый раз человек разморозил рыбные котлеты вместо своих сырников и до вечера думал, что испортилось обоняние.

— Это была Ынчхэ? — сквозь смех спросила Соён.

— Нет. Ынчхэ всё подписывала. Даже то, что надо было давно выбросить.

Из коридора вышел мужчина в спортивных брюках. Волосы у него с одной стороны примялись, с другой стояли почти вертикально. Он остановился, увидев посетительницу, и отступил на полшага, словно кухня внезапно оказалась занята чужим совещанием.

— Добрый день, — сказала Соён.

На её приветствие мужчина ответил коротким кивком, предоставив хозяйке их познакомить.

— Минджэ, — представила его хозяйка. — Из первой комнаты. Работает в грузовом терминале. Это Соён. Возможно, будет жить в третьей.

— Очень приятно.

Минджэ пробормотал то же самое и открыл холодильник. Достал банку с кофе, посмотрел на неё, поставил обратно и взял воду.

— Ты сегодня во сколько? — спросила Ок.

— Через час.

— Ты вчера говорил через два.

— Вчера и было через два.

Соён проводила его взглядом, так и не дождавшись объяснения. Ей понравилось, что никто не попросил его быть общительнее.

На стол легла папка с условиями. Листы были вложены в прозрачные файлы. Госпожа Ок достала один, пододвинула к Соён и села напротив.

— Ночью вход не закрываем на дополнительную защёлку. Код меняю, когда съезжает человек. Гостей можно приводить, но предупреждать. Ночевать им здесь негде. За собой на кухне убираем сразу, если не хотите утром искать свою кастрюлю в тазу. Я её мыть не буду.

Соён кивала, пробегая глазами условия оплаты и сроки, а на правилах совместной жизни задержалась подольше. Не было запрета на жизнь как таковую. Она почему-то ожидала большего количества ограничений.

— Вы работаете в авиации? — спросила хозяйка, посмотрев на указанный график.

— Бортпроводницей.

— Тогда понятно. Днём спите?

— После ночных рейсов.

— Здесь все когда-нибудь спят днём. Суми вывешивает на двери бумажку. Минджэ надевает на ручку носок. Я просила купить табличку, но он считает, что носок понятнее.

— Я могу сделать таблички для всех.

Предложение прозвучало раньше, чем Соён успела подумать.

— Пока комнату снимите, — ответила Ок.

Она встала, выключила закипевший чайник и налила воду в чашки. Чай оказался ячменным, тёплым и почти без запаха. Соён держала чашку обеими руками.

— А стирать можно вечером?

— До девяти запускайте. Дальше отжим мешает. По срочной надобности договоритесь с теми, кто спит. Сушилка общая, складная. Большие вещи можно вынести во двор. Если дождь — сами за ними следите.

В дверь вошла женщина с чехлом для одежды через плечо. Одной рукой она держала телефон, другой пыталась расстегнуть ботинок. Соён поднялась помочь, но женщина уже поставила чехол на скамью.

— Да, я вижу фотографию, — говорила она в телефон. — Нет, по фотографии нельзя определить, сколько ткани осталось в шве. Принесите… Потому что я не могу потрогать фотографию.

Она выслушала ответ, закрыла глаза и назвала время, когда можно прийти. Затем положила телефон лицом вниз.

— Суми, — сказала Ок, указывая на Соён. — Комната три.

— Уже?

— Ещё нет.

— Тогда здравствуйте заранее.

Соён ответила, невольно улыбаясь. На большом пальце Суми был маленький металлический напёрсток, который она, видимо, забыла снять. Женщина заметила взгляд и стянула его.

— Я ремонтирую одежду. Иногда она сопротивляется даже по телефону.

— У вас мастерская?

— Пока несколько мест. Часть работы беру домой. Днём машинка может быть слышна, но долго не строчу. Если мешает, скажите. Только не через хозяйку, пожалуйста, она мне перескажет в два раза сердитее.

— Потому что вы оба делаете вид, будто ничего не слышите, — сказала Ок.

Суми посмотрела на полосатое полотенце на подоконнике.

— Это чистое. Я положила на минуту.

— У тебя длинные минуты.

Они говорили без улыбок, и Соён не сразу поняла, ссорятся ли. Суми взяла полотенце, пожелала ей удачного выбора и ушла наверх. За дверью второй комнаты негромко щёлкнул замок.

Соён снова посмотрела на лист. Строчка с датой начала аренды оставалась пустой.

— Я могу въехать в субботу, — сказала она. — Если вас устроит.

— Меня устроит человек, который знает, когда въедет.

На этот раз Соён увидела улыбку: короткую, совсем не предназначенную для того, чтобы облегчить ей решение. Она ещё раз прочла условия и достала документы.

Пока госпожа Ок записывала её данные, Соён подсчитала в телефоне расходы. Комната стоила меньше отдельной квартиры, но к аренде добавлялись перевозка вещей, поездки, новый адрес для доставок, мелкие покупки, которые всегда обнаруживались после переезда. Она вычла сумму, которую собиралась отложить, вернула её обратно и пересчитала. Госпожа Ок ждала, не заглядывая в экран.

— Есть вопрос? — спросила она.

— Здесь всё включено в эту сумму?

— То, что перечислено. Еду каждый покупает себе. Иногда готовим вместе, но это не столовая. И уборку комнаты я не делаю.

— Я понимаю.

— Некоторые понимают, а потом спрашивают, где чистые полотенца.

Соён ещё раз сложила цифры в списке, но сумма осталась прежней. Она почему-то ожидала, что за спокойный тон, за место за кухонным столом и за возможность ничего сейчас не решать надолго потребуют отдельной платы.

Заполнив бумаги и убрав свою копию в сумку, Соён наконец позволила себе оглядеться. На холодильнике висел календарь, весь исписанный разным почерком. Одни записи были понятны — «фильтр», «забрать заказ», — другие состояли из стрелок и одиночных букв. В сегодняшней клетке хозяйка вывела её имя, словно они давно уже знали друг друга: «Соён, 16:00».

— Вы всех записываете? — спросила она.

— Иначе забуду. Вчера забыла, что жду мастера, ушла покупать лук. Он решил, что меня нет дома, хотя я вернулась через десять минут. Теперь придёт на следующей неделе.

— Что сломалось?

— Ничего страшного. Дверца шкафа внизу перекосилась. Минджэ говорит, что сделает сам, но пока только понимает, как её надо сделать.

Соён посмотрела на кухонный шкаф. Одна дверца действительно висела немного ниже соседней. Она едва заметила это при входе, а теперь никак не могла перестать смотреть.

— Я пришлю вам сообщение перед переездом, — сказала она.

— За день. Мне надо знать, когда оставить калитку открытой. Только не пишите посреди ночи, что вам удобно в любое время. Назовите время.

У выхода Соён надела туфли и подняла сумку. Госпожа Ок осталась возле лестницы; провожать до улицы она не собиралась. Соён попрощалась и вышла сама.

Дорогу до станции Соён решила пройти с картой. У аптеки следовало свернуть, а дальше за магазином, где у входа стояли ящики с фруктами, начинался длинный забор. На обратном пути вывеску аптеки заслонило дерево, у магазина припарковался фургон, и Соён, понадеявшаяся на свою память, узнала квартал только по пекарне, когда нужный поворот уже остался позади.

Вместо досады возникло что-то похожее на любопытство. Между дверью дома и станцией существовал маленький участок города, который ей ещё предстояло узнать с обеих сторон. Стоило ей повернуть обратно от пекарни, как калитка сразу нашлась.

* * *

В четверг новые жильцы приехали смотреть старую квартиру в одиннадцать. Соён всё-таки не ушла в кафе: рейс изменили, она вернулась раньше и успела немного поспать. Теперь стояла у окна, в котором так и не появились шторы, которые она собиралась купить прошлой осенью, и слушала, как молодая пара обсуждает расстояние от кровати до стены.

— Сюда можно поставить стол, — сказал мужчина.

— Тогда шкаф не откроется, — возразила женщина.

— Будет открываться с другой стороны.

— У него нет другой стороны.

Соён хотела вмешаться и показать, как сама пыталась переставить этот шкаф, но удержалась. Пока мужчина разматывал рулетку, женщина присела сфотографировать розетку для какой-то будущей покупки. Вещи новых жильцов ещё предстояло привезти, но уже сейчас квартира понемногу становилась их.

Хозяйка спросила Соён, когда можно прийти для окончательного осмотра. Они договорились на субботнее утро. Новая жилица заметила пустые горшки на подоконнике.

— Вы их забираете?

— Если хотите, могу оставить.

— Правда? У меня как раз есть черенки.

— Конечно.

Два горшка Соён купила три года назад. В одном долго жил базилик, в другом ничего не жило с самого начала. Она собиралась посадить туда что-нибудь стойкое к её отсутствию. Потом просто привыкла обходить его влажной тряпкой.

Когда посетители ушли, квартира показалась слишком освещённой. Соён открыла коробку с кухонными вещами, поставила внутрь одну миску, два стакана и тарелку. Но миску пришлось вынуть из коробки, потому что на краю у неё была маленькая щербинка, которую она всякий раз поворачивала к стене.

Она не стала устраивать из этого поступок. Просто завернула миску отдельно и положила туда, где лежали вещи на выброс.

Дальше работа пошла быстрее. Соён разобрала шкаф, нашла четыре чехла для одежды, два пустых футляра от очков и юбку, которую покупала для ужина, так и не состоявшегося. Юбка ещё подходила по размеру. Она надела её поверх домашних шорт, посмотрела в зеркало и сняла. В новой комнате ей было куда её повесить, и этого оказалось достаточно для решения.

Ынчхэ прислала сообщение: «Ну как госпожа Ок?»

Соён ответила: «Сказала сначала снять комнату, а потом делать таблички».

«Хорошая женщина».

Соён отправила фотографию коробок. Ынчхэ тут же спросила, нужна ли машина, но в субботу у неё была семейная поездка. Она начала предлагать другие часы, переносить собственные планы. Соён поймала себя на том, что торопливо отвечает: «Нет-нет, ничего не нужно». Фраза показалась ей подозрительно знакомой.

Она дописала: «Помоги лучше решить, куда деть полку. Мне её жалко, но она не нужна».

Через минуту подруга прислала контакт знакомой, которая обустраивала рабочее место. К вечеру полку забрали. Человек, пришедший за ней, искренне обрадовался царапине на боку: сказал, что теперь не будет бояться первой.

Когда он вынес полку, Соён увидела на стене чистый прямоугольник. В нём особенно отчётливо проступала тень от шурупа, торчавшего чуть выше.

— Я нашла одеяло, — сообщила мать вместо приветствия, когда телефон зазвонил вновь. — То, которое ты любила. Привезти?

— Мам, у меня есть одеяло.

— Это хорошее.

— Моё тоже хорошее.

— Оно лёгкое.

Соён присела на край коробки и услышала, как под ней согнулся картон.

— Я переезжаю в одну комнату. Мне некуда будет сложить два.

— У женщины, которую ты не знаешь.

— Ынчхэ у неё жила.

— Ынчхэ много где жила.

Соён потёрла лоб, признавая, что здесь мать права.

— Я видела комнату. Всё нормально. Есть стол, шкаф. До работы удобно.

— А кухня?

— Общая.

Мать хранила молчание, а Соён уже услышала всё, что та могла сказать: о возрасте, о собственном доме, о том, что так живут студенты. Но мать спросила только:

— Холодильник большой?

— Большой. Мне выделили полку.

— Какую?

— Третью.

— Тогда контейнеры невысокие привезу.

Соён засмеялась, прежде чем успела почувствовать раздражение.

— Давай я сначала въеду.

— Хорошо. Адрес пришли.

Она продиктовала, потом отправила сообщением. Мать спросила номер комнаты и записала его так серьёзно, словно без номера не смогла бы отличить дочь от остальных жильцов.

— В субботу позвони, когда закончишь.

— Позвоню.

— И одеяло пока оставлю.

— Оставь.

Коробка под Соён окончательно просела. Она встала, увидела след от собственного колена на крышке и подклеила угол. Телефон больше не звонил.

* * *

В субботу хозяйка старой квартиры принесла папку и пакет мандаринов. Папку она положила на стойку, пакет протянула Соён.

— Вы всегда платили вовремя.

Поблагодарив хозяйку, Соён всё ещё слегка смущалась такой характеристикой, хотя ничего другого хозяйка о ней почти не знала. Потом они вместе проверили краны, свет, дверцы

шкафов. Под кроватью обнаружилась заколка. Соён подняла её, узнала по сломанному зубцу и положила в карман вместо того, чтобы выбросить.

— В кухонном ящике остались салфетки, — сказала хозяйка.

— Можно оставить следующим жильцам?

— Конечно.

Они обсудили оставшиеся расчёты. Соён несколько раз сверила суммы, попросила уточнить одну строку и почувствовала, как меняется тон разговора: становится тем самым деловым тоном, в котором ей было удобно. Здесь существовали числа, даты и вещи, которые можно проверить. Ей не надо было понимать, что человек имеет в виду помимо сказанного.

У двери хозяйка посмотрела на голый подоконник с двумя горшками.

— Мне казалось, у вас больше вещей.

— Мне тоже.

Отдавая ключи, Соён вспомнила и о запасном, который всё это время лежал в маленьком внутреннем кармане сумки; доставая его, Соён нашла чек из гостиничной прачечной. Ключ оказался тёплым от руки, а чек таким тонким, что просвечивал.

Снаружи водитель помогал укладывать коробки. Их было четыре, плюс дорожная сумка и чемодан. Стул Соён всё-таки не взяла: женщина, забравшая полку для своей знакомой, нашла место и ему. В новой комнате придётся привыкнуть к неудобному, но хорошему стулу.

В машине Соён сначала открыла карту, хотя водитель уже знал адрес. Потом свернула её и посмотрела в окно. Дома, которые она видела по пути на работу десятки раз, сейчас двигались мимо в другом порядке. Она пыталась вспомнить, когда гуляла здесь без сумки и цели. Вспоминались дорога до аптеки и недавний поход за обувью, но сколько она ни перебирала свои маршруты, в конце каждого ждало какое-нибудь дело.

На повороте пакет опрокинулся, и один мандарин покатился к переднему сиденью. Соён потянулась за ним, но ремень остановил её.

— Потом достанем, — сказал водитель.

Соён выпрямилась на сиденье, откуда всё ещё видела уцелевший мандарин. Он лежал впереди и некоторое время раздражал её своим недоступным положением. Когда машина остановилась, водитель поднял его, вытер ладонью и вернул вместе с остальными.

У калитки стояла госпожа Ок. На этот раз поверх кардигана у неё был синий фартук. Она открыла дверь шире, посмотрела на коробки и спросила:

— Стул передумали брать?

— Отдала.

— Зря. Я же предупреждала.

Она взяла самую маленькую коробку и понесла в дом. Соён собиралась сказать, что сама справится, но водитель уже вынимал следующую. Так что Соён оставалось лишь взять то, что уже стояло на земле.

На лестнице чемодан действительно застрял на повороте. Соён поставила его боком, как и планировала, но ручка упёрлась в перила. Она подняла его, прижала к животу и услышала сверху:

— Не разворачивайте. Подайте мне верх.

На площадке стояла Суми. Она держала ножницы, потом посмотрела на них, положила на подоконник и взялась за ручку. Вдвоём они подняли чемодан, не задев стену.

— Спасибо. Я бы справилась, просто…

— Я знаю. Только медленнее.

Суми отошла, давая пройти. Соён хотела тут же предложить что-нибудь в ответ, но ничего подходящего не нашлось. Она сказала спасибо ещё раз и внесла чемодан в комнату.

За ней появились коробки. Госпожа Ок поставила маленькую возле стола, протянула ключ от комнаты и листок с кодом входной двери.

— Код не фотографируйте так, чтобы потом выложить вместе с красивой дверью.

— Я не выкладываю двери.

— Люди всякое выкладывают.

Хозяйка показала, как закрывается замок, проверила розетку возле кровати и ушла. Соён осталась посреди комнаты, окружённая вещами, которые только что казались немногочисленными. Кровать была занята коробкой с кухонной утварью, а дверцу шкафа подпирал чемодан. Пакет с мандаринами она всё ещё держала в руке.

Она поставила пакет на стол и открыла окно.

Во дворе Минджэ собирал сушилку. На нём была куртка поверх пижамных брюк. Одна ножка никак не становилась на место. Он попробовал ещё раз, выпрямился и оглянулся, словно хотел убедиться, что никто не видел. Соён отступила от окна, потом рассердилась на себя за ненужную скрытность и выглянула снова.

— Нужна помощь?

— Нет, она просто думает, — ответил он.

— Передумала, — сообщил Минджэ, когда ножка наконец со щелчком встала на место.

Соён вернулась к коробкам, оставив Минджэ последнее слово в этом споре с мебелью.

* * *

Вещи не соглашались разместиться с первого раза. Верхняя полка шкафа оказалась слишком высокой, чтобы удобно складывать форму. Вешалки задевали заднюю стенку. Косметичка не помещалась в ящик стола, если положить рядом фен. Соён делала всё последовательно, но с каждой маленькой неудачей движения становились резче.

В гостинице она могла разложить необходимое за три минуты. Здесь даже зубной щётке требовалось выбрать постоянное место.

Она вынесла пустую коробку в коридор и едва не столкнулась с Суми. Та несла чехол, в котором угадывались плечи нескольких пиджаков.

— Коробки оставлять нельзя? — спросила Соён.

— На лестнице нельзя. У стены до вечера можно, потом госпожа Ок начнёт вокруг них ходить и вздыхать. Я свои складываю сразу.

— Вам нужна эта? Она крепкая.

— Нужна, — ответила Суми, приглядевшись. — Но если вам самой не понадобится.

— У меня ещё три.

Она отдала коробку с неожиданным облегчением. Суми заглянула внутрь, оценила чистоту и подхватила под мышку.

— Кстати, в ванной у каждого своя корзинка. Ваша белая, на нижней полке. Лучше не оставлять флаконы на полу, там вода скапливается.

Поблагодарив за помощь, Соён отправилась в ванную, где обнаружила белую корзинку, новую губку и зеркало, в котором лицо выглядело уставшим совершенно иначе, чем дома. Свет падал сверху, подчёркивая складку между бровями. Соён расправила её пальцем, как будто это был залом на ткани.

К вечеру Соён развесила форму, застелила кровать и осталась посреди комнаты с пустым чемоданом. Для шкафа он оказался слишком широким, а под кровать проходил только до половины. Пришлось поставить его там, где он, кажется, и привык жить, — у двери.

Снизу донёсся звон посуды. Соён вспомнила, что у неё есть мандарины, и взяла пакет.

На кухне госпожа Ок нарезала зелёный лук. Суми сидела за столом, выдёргивая нитку из края рукава. Перед ней стояла чашка; она придерживала её запястьем, чтобы не задеть тканью.

— Я принесла… Можно угостить?

— Поставьте в миску, — сказала Ок. — В шкафу слева.

За дверцей шкафа открылись неровные стопки мисок. Она выбрала белую, пересыпала мандарины и собиралась вымыть её снаружи, заметив каплю воды, но остановилась: миска была чистой, капля — от её рук.

— Ужинать будете? — спросила хозяйка.

— Не хочу вас беспокоить.

— Я спрашиваю потому, что надо знать, сколько риса оставить, — пояснила Ок, откладывая нож. — Можно сказать «да», можно «нет».

— Да, — решилась Соён, ещё раз взглянув на кастрюлю. — Спасибо.

— Тогда возьмите себе ложку. Суми не будет, она уже ела.

— Но посижу, — сказала Суми, не поднимая головы.

Соён села напротив и принялась за простую еду: в супе плавали кусочки редьки, а рис немного прилип ко дну и оттого пах особенно хорошо. Ок не спрашивала, вкусно ли. Суми иногда поднимала рукав к свету и щурилась. Из коридора появился Минджэ, взял мандарин, спросил, чей, и, получив ответ, поблагодарил Соён. Потом исчез, оставив на краю стола аккуратную спираль кожуры.

— Уберёшь, — сказала Ок ему вслед.

Он вернулся, взял кожуру и снова ушёл.

Соён доела не торопясь. Она ожидала вопросов о себе, но хозяйка спорила с Суми о сломанном замке на воротах соседского дома, к которому они обе не имели отношения. В какой-то момент Соён тоже сказала, что замок, скорее всего, заедает из-за перекоса. На вопрос Ок, откуда ей это известно, Соён честно призналась, что всего лишь гадает, и Суми улыбнулась над своей чашкой.

После еды Соён вымыла свою посуду. Ок забрала кастрюлю раньше, чем она успела за неё взяться.

— Завтра разберётесь с остальными коробками. Сегодня уже поздно.

Поднявшись к себе, Соён позвонила матери и провела телефоном по комнате, задержавшись у шкафа и окна. Мать попросила повернуть телефон, потому что видела преимущественно потолок, и удовлетворённо заметила, что стол хороший. Про стул Соён рассказывать не стала.

Когда звонок закончился, она закрыла дверь и погасила верхний свет. Из коридора доносились шаги, потом затихла вода. Кто-то чихнул и сам себе сказал что-то недовольное. Соён лежала, прислушиваясь к незнакомому дому. Она ещё не знала, какие звуки можно не замечать.

На телефоне появилось сообщение госпожи Ок: «Утром будете дома?»

Соён подтвердила, что утром собирается остаться дома.

«Тогда спуститесь, когда проснётесь. Надо кое-что спросить».

Она перечитала сообщение и стала вспоминать, не оставила ли мокрой раковину. Потом решила, что узнает утром. Из кухни снизу донёсся короткий скрип стула, и через несколько минут Соён уснула.

Глава 3
Что ты любишь на завтрак

Соён проснулась от звука, который сначала приняла за объявление в самолёте. Кто-то говорил ровно, с короткими паузами, и она уже собиралась сесть, прежде чем поняла: внизу работает радио.

Незнакомый потолок был совсем близко. Штора пропускала узкую полоску света; на стене от неё лежал прямоугольник, постепенно сползавший к шкафу. Соён нашла телефон, увидела время и с облегчением вспомнила, что сегодня не летит. В комнате пахло картоном и выстиранным бельём.

Она умылась, спрятала волосы в небрежный хвост и спустилась. На последней ступеньке остановилась, проверяя, не выглядит ли слишком домашней. Потом вспомнила, что именно здесь теперь живёт, и вошла на кухню.

Госпожа Ок стояла у плиты. На ней был тот же синий фартук, но кардиган сменился на полосатую кофту. Она посмотрела через плечо.

— Доброе утро. Садитесь.

— Доброе. Вы хотели спросить…

— Что вы едите утром?

Соён ожидала вопроса о воде, мусоре или забытом свете. Она даже приготовилась извиниться.

— Мне всё равно. Что есть.

— Тогда хлеб, — предложила Ок, ставя перед ними две тарелки.

На тарелке лежали толстые ломти, покрытые блестящей корочкой. Соён узнала сладкий хлеб из тех, которые часто покупают к кофе и потом не замечают, как съели половину упаковки. В детстве мать иногда приносила такой по дороге с работы. Соён нравился запах, но после двух укусов во рту становилось слишком сладко.

— Спасибо.

Она откусила, отпила воды и потянулась за чашкой. Ок поставила перед ней банку джема.

— Если мало сладкого.

— Нет, всё хорошо.

Хозяйка села, разломила свой ломоть и сняла край корочки. Соён заметила, что она ест медленно, внимательно, словно проверяет давно знакомый рецепт. На столе стояла маленькая вазочка с двумя луковицами в воде. Соён посмотрела на проросшие зелёные стрелки.

— Это для супа?

— Когда вырастет. Пока просто торчит.

Ок повернула вазочку к свету и спросила, удобно ли спалось. Соён ответила, что удобно, хотя просыпалась дважды из-за шагов и один раз от чужого кашля. Сказать это не значило бы пожаловаться, но она всё равно не сказала.

В кухню вошла Суми, в застёгнутой на одну пуговицу кофте поверх футболки. Достала с полки маленькую миску, насыпала рис и положила сверху остаток вчерашнего супа.

— Там ещё есть хлеб, — сказала Ок.

— Я вижу.

— Свежий.

— Пусть остаётся свежим.

Суми поставила свою миску в микроволновку с таким спокойствием, что Соён невольно залюбовалась ею. Соседке хотелось на завтрак другого, и для неё самой этого было вполне достаточно.

— Я тоже люблю рис утром, — сказала Соён.

— Тогда зачем взяли хлеб?

В голосе хозяйки не слышалось насмешки, и Соён опустила взгляд на надкусанный ломоть.

— Давно не ела такой.

— Тогда понятно.

Суми дождалась сигнала, достала миску прихваткой и села. Ок передвинула к ней банку с овощами. Все некоторое время молчали. По радио обсуждали погоду на следующую неделю; ведущий говорил об ожидаемом потеплении так, будто лично договорился о нём с кем-то влиятельным.

Едва Соён доела хлеб, Ок предложила второй ломоть, и она покачала головой, прикрыв тарелку ладонью.

— Наелась.

Это было не совсем правдой. Сладость заняла всё свободное место во рту, а голод остался где-то ниже и теперь не знал, как о себе сообщить.

* * *

После завтрака Ок достала список покупок. Внизу списка стояло слово «кружки», перечёркнутое дважды.

— Я иду в магазин, — сказала Соён. — Могу что-нибудь купить.

— Для кухонных полок нужна новая подкладка, — пояснила хозяйка, протягивая ей листок. — Старая уже порвалась.

Она открыла нижний шкаф и приподняла край старой подкладки. Под ней оказался тёмный след от пролитого когда-то соуса.

— Такие?

— Лучше моющуюся. Только не огромный рулон. Нам не нужно застилать весь дом.

Соён записала размеры полки на обороте списка. Ок добавила в список средство для мытья посуды, вычеркнула его и сказала, что купит сама: прошлый раз ей принесли запах зелёного яблока, от которого весь день хотелось есть.

Суми собирала на столе ткани. Она разложила два прямоугольника серого материала, приложила к ним бумагу, сделала пометку и снова сверила края. Соён отошла к раковине, чтобы не мешать.

— Вы здесь шьёте?

— Здесь только измеряю. В комнате стол маленький, а этот заказ надо расправить. Я сейчас уберу.

— Не торопитесь.

Суми подняла голову, словно не была уверена, что услышала правильно. Потом благодарно кивнула и вернулась к ткани.

Минджэ появился с пустым контейнером. От него пахло улицей и холодным металлом. Он поставил контейнер возле раковины, нашёл ложку, потом снова посмотрел на контейнер, будто надеялся, что в нём ещё что-нибудь возникнет.

— Ты уже вернулся? — спросила Ок.

— Да.

— Еда на нижней полке.

— Я знаю.

— Если знаешь, почему стоишь?

— Вспоминаю, хочу ли её.

Соён невольно улыбнулась, узнав знакомое состояние, и Минджэ это заметил.

— После смены у меня иногда голова хочет спать, а всё остальное — есть. Они пока договариваются.

Он достал еду, разогрел, сел на свободный край стола. Суми сдвинула ткань, оставляя ему место. Ок ушла разговаривать по телефону; по её голосу Соён поняла, что звонил мастер. Хозяйка повторяла: «Не раньше трёх. Я сказала не раньше, а не ровно в три».

Пока Соён допивала воду, Суми ненадолго вышла во двор с телефоном, оставив на спинке стула несколько кусков ткани. Один соскользнул, коснулся пола. Соён подняла его, увидела, что край помят, и аккуратно сложила все куски вместе. Затем перенесла на чистую часть стола подальше от миски Минджэ.

— Это было по порядку, — сказал он.

— Что?

— Кажется, она раскладывала их по порядку.

Соён посмотрела на стопку. Ткань была почти одинаковой: два серых оттенка, один немного теплее. Бумажные метки лежали отдельно.

— Я просто убрала с пола.

Минджэ с ней согласился, и по его кивку Соён поняла, что вопрос исчерпан.

Вернувшись через минуту, Суми остановилась при виде стола.

— Кто трогал?

— Я. Один кусок упал, я подняла. Чтобы не испачкался.

Суми положила телефон и принялась разворачивать прямоугольники один за другим. Остальные молча следили за её пальцами.

— Они были выложены лицевой стороной и по деталям. Теперь надо снова проверять.

— Извините. Я не подумала. Могу помочь разложить?

— Вы не знаете, как было.

Соён почувствовала, что ответ несправедлив: она ведь хотела помочь. Почти произнесла это вслух, но Суми уже искала маленькие отметки мелом, поворачивая ткань к окну.

— Я не сержусь, — сказала она, не поднимая головы. — Просто не надо трогать работу. Если упало, положите рядом. Я сама.

Минджэ тихо поставил ложку в миску. Соён отнесла свою чашку к раковине. Вода оказалась слишком горячей; она отдёрнула руку и добавила холодной.

Ей хотелось немедленно исправить впечатление о себе. Принести Суми что-нибудь вкусное, предложить отвезти заказ, рассказать, что на работе она никогда не трогает чужие вещи без необходимости. Но всё это почему-то выглядело продолжением того же движения, из-за которого ткань оказалась не на месте.

— Я буду спрашивать, — сказала она.

Суми кивнула и вернулась к работе, чтобы отыскать последнюю метку.

* * *

В магазине Соён сначала взяла большой рулон подкладки с рисунком вишен. Потом вспомнила размеры, вернулась и выбрала маленький, однотонный. Продавец проверил длину и сказал, что на две полки хватит с запасом. Соён ещё раз посмотрела на вишни, но оставила их на месте: госпожа Ок не просила менять вид кухни.

Среди контейнеров Соён сразу приметила прозрачный набор, в котором коробочки прятались одна в другую. Такие понравились бы матери. Уже наведя на них камеру, Соён подумала, что мать сочтёт фотографию просьбой о покупке, и спрятала телефон.

У отдела посуды Соён задержалась. Здесь тоже продавались зелёные миски, однако глазурь снаружи была светлее, чем у тех, что она видела в первом магазине, а внутри цвет казался глубже. На дне виднелись небольшие неровности глазури. Соён провела пальцем по краю, проверяя, нет ли щербинки. Продавщица подошла и сказала, что есть ещё голубые.

— Мне эта нравится.

— Тогда берите из коробки, эта с витрины.

Когда женщина принесла новую, Соён сравнила обе и неожиданно поняла, что хочет именно ту, которую держала. На внутренней стенке у неё была маленькая тёмная точка, похожая на семечко.

— Можно эту? Я проверила, она целая.

— Конечно.

Продавщица завернула миску в бумагу. Соён купила ещё простую пару палочек и ложку с округлой ручкой. На кассе всё вместе показалось ей неоправданно дорогим для человека, который проживёт в комнате всего месяц. Но она уже поднесла карту и не стала отменять покупку.

На улице было холоднее, чем утром. Соён застегнула куртку и пошла за продуктами. В магазине взяла рис, яйца, небольшую упаковку тофу и зелень. Потом остановилась у холодильника с готовыми блюдами. Выбор для себя одного оказался странно неудобным: большие упаковки обещали остатки, маленькие — возвращение в магазин через день.

— Вам какой? — спросила женщина за прилавком.

— Этот острый, — пояснила Соён, показав на контейнер с овощами.

— Насколько?

— Для меня не очень, — ответила женщина, пожав плечами.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись, признав бесполезность ответа. По предложению женщины Соён взяла маленькую вилку, съела кусочек и почувствовала, как острота быстро поднимается к носу.

— Для меня очень, — сказала она.

— Тогда вон тот.

Покупка заняла меньше минуты. Никого не пришлось убеждать, что у неё есть уважительная причина не любить острое утром. Соён попросила маленькую порцию и положила контейнер в сумку рядом с завёрнутой миской.

Голод, о котором она забыла за домашней неловкостью, вернулся. Неподалёку продавали простые рисовые рулетики. Соён купила порцию, села у окна и только тогда заметила, как ноют ноги. Она прошла совсем немного, но ещё не восстановилась после рейса и переезда.

За соседним столом школьник пытался одновременно есть и писать сообщение. Его друг, уже закончивший обед, крутил в руках пустой стакан и торопил. Соён положила телефон экраном вниз. Ей никто не мешал поесть, кроме привычки торопить себя без свидетелей.

Она съела всё, потом осталась ещё на несколько минут. За окном женщина везла тележку с коробками; один угол задевал неровную плитку, и тележка каждый раз вздрагивала. На повороте прохожий придержал коробки и, услышав благодарность женщины, зашагал дальше. Соён подумала о серой ткани и о том, как неприятно обнаружить, что одного хорошего намерения иногда недостаточно.

Вместо подарка Суми она купила по дороге только то, за чем собиралась.

* * *

Госпожа Ок приняла чек так внимательно, словно Соён вернулась с крупной закупки. Она пересчитала сдачу, записала сумму на обороте списка и убрала деньги в ящик.

— Однотонную взяли, — сказала она, рассмотрев рулон. — Хорошо. В прошлый раз был рисунок, я всё время принимала его за пятна.

Кухня в этот час пустовала, потому что Суми ушла с заказом, а Минджэ ещё спал. Соён расставила покупки на своей полке, показала хозяйке миску и тут же пожалела: зачем показывать взрослому человеку обыкновенную посуду?

— Край удобный, — заметила Ок, разглядывая край миски на свет. — Из таких суп не капает.

Это была оценка, которой Соён не ожидала, но почему-то обрадовалась. Она вымыла покупку, поставила на полотенце и принесла ножницы. Госпожа Ок уже вытаскивала кастрюли из нижнего шкафа.

— Может, лучше я? — спросила Соён.

— Тогда принимайте. Только эту не ставьте в маленькую, она потом не вынимается.

Они устроились возле открытых дверец. Соён переносила посуду на стол, хозяйка снимала старую подкладку, в нескольких местах присохшую к дереву. Подцепляла её рекламной пластиковой карточкой. На карточке была изображена молодая женщина с безупречной кожей. От трения лицо постепенно исчезало.

— Это вообще не моя, — сказала Ок, заметив взгляд. — В дверь положили. Хотели, чтобы я омолодилась. Я нашла ей применение.

Услышав смех Соён, хозяйка довольным движением перевернула карточку и принялась за дальний угол.

Когда шкаф опустел, выяснилось, что в нём гораздо больше места, чем казалось. На столе лежали четыре крышки, которым не нашлось кастрюль, сито с погнутой ручкой, две одинаковые небольшие сковороды. Из глубины Ок достала пластиковую форму для льда.

— Вот где она. Я думала, кто-то выбросил.

— Она сюда упала?

— Скорее всего, я сама положила, чтобы не потерялась.

Соён протёрла верхнюю полку, где от донышек остались круги. Она попробовала оттереть один сильнее, потом поняла, что это уже цвет дерева, и остановилась.

— Сколько лет шкафу?

— Больше, чем этому холодильнику. Меньше, чем мне. Точнее не скажу.

Ок вынула нижнюю полку, положила на стол и нахмурилась: древесина у края слегка разбухла. Соён предложила сначала всё высушить, а потом стелить новое. Хозяйка согласилась, но ждать не захотела и занялась сортировкой крышек.

Минджэ спустился за водой, увидел заставленную кухню и остановился на пороге.

— Куда переезжаем?

— Вон туда, — ответила Ок, показывая на пустой шкаф. — Ты не знаешь, чья крышка?

Он взял маленькую стеклянную, осмотрел и покачал головой.

— Но подходит к этой.

— Это сковорода.

— Она не знает.

Ок фыркнула, а Соён с улыбкой пододвинула ему рулон.

Минджэ вызвался отмерить куски. Оказалось, он умел разбирать вещи на отдельные действия: сначала проверить ширину, потом сделать отметки, прижать край линейкой, отрезать. Соён держала материал, пока он работал, и наблюдала за его руками. На работе она постоянно просила людей выполнять действия в нужной последовательности; дома, увидев мелкую задачу, чаще старалась сделать всё разом.

Суми вернулась, когда на полу лежали полоски отрезанного материала. Она остановилась возле стола, подняла погнутое сито.

— Это моё. Я искала.

— Теперь нашлось, — сказала Ок. — Забери, а то я собиралась выбросить.

Суми сняла куртку, осмотрела пустой шкаф и предложила поставить большие кастрюли слева. Там дверца открывалась шире. Соён уже потянулась переставить их, но вместо этого спросила:

— А маленькие куда удобнее?

— Направо. Если друг в друга, между ними надо что-нибудь проложить.

Суми достала чистую ткань, разрезала на два куска и положила между сковородами. Придерживая стопку, Соён заметила на рукаве соседки крошечную дырку.

— У вас… — начала Соён и показала на собственный локоть.

— Знаю, — сказала Суми, взглянув на локоть и пожав плечами. — Мой заказ всегда последний.

— Сегодня можно первым.

— Сегодня у меня вообще выходной после двух.

На часах было почти три. Суми убрала ножницы в ящик, взяла чашку и ушла во двор. О дырке к тому времени благополучно забыли, и Соён принялась собирать с пола обрезки. Шкаф снова был заполнен, но теперь маленькая сковорода вынималась, не увлекая за собой всё остальное. Она попробовала дважды, прежде чем закрыла дверцу.

Лишние крышки остались на столе. Ок сложила их в коробку, подписала дату и отнесла в хозяйственную нишу.

— Если за месяц не вспомню, отдам, — объяснила она.

— А зачем дата?

— Чтобы не сказать себе потом, что положила только вчера.

Соён провела тряпкой по столу. На мокрой поверхности осталось сухое пятно там, где стояла её миска. Она подняла миску, вытерла под ней и поймала взгляд хозяйки.

— Спасибо, — сказала Ок. — Одной мне было бы дольше.

Соён хотела ответить, что ничего особенного не сделала, но руки у неё устали, а на колене остался след от кухонного пола. Она действительно провела здесь часть дня. Поэтому только кивнула и попросила воды.

Ок налила ей полный стакан. Соён села и выпила половину, не думая о том, что ещё можно успеть.

* * *

Мать позвонила по видеосвязи. Соён ответила, сидя на полу возле последней коробки, и тут же увидела, как нахмурилось лицо на экране.

— Почему ты на полу?

— Коробку разбираю.

— А стул?

— Стул есть.

— Тогда почему не на стуле?

Соён повернула камеру, показала коробку, низкую полку, разобранные вещи. Мать посмотрела внимательно, будто проверяла способ проведения сложной операции, и кивнула.

— Понятно. Тебе нужны вешалки?

— Пока хватает.

— Полотенца?

— Есть.

— Коврик возле кровати?

Судя по голому полу, коврик здесь действительно пригодился бы. Она уже открыла рот, чтобы ответить привычное «ничего не надо», но мать опередила:

— У меня два новых. Один серый, другой с цветами. Я купила, а они сюда не подходят. Выбери.

На экране возникла размытая стена, потом край шкафа. Мать ушла за ковриками, оставив телефон прислонённым к сахарнице. Соён узнала кухню: те же чашки возле плиты, банка с палочками, занавеска, которую они вместе выбирали ещё до болезни отца. На столе лежала папка с прозрачными файлами. Из неё торчали несколько листов с крупными строчками, но прочесть их не получалось.

Мать вернулась с двумя свёрнутыми ковриками и разложила перед камерой. Серый оказался гораздо темнее, чем Соён ожидала, почти угольным. Цветной был кремовый с маленькими жёлтыми цветами, тесно рассыпанными по краю.

— Какой?

— Серый, наверное.

— Он мрачный.

— Ты сама его купила.

— Я думала, будет светлее.

— Тогда зачем предлагаешь?

Обе помолчали, и Соён уже различила в собственном голосе тот раздражённый оттенок, после которого разговор обычно уходил не туда. Мать взяла кремовый коврик, встряхнула, чтобы расправить угол.

— Я предлагаю, потому что они новые. Тебе может нравиться то, что не нравится мне.

Соён посмотрела на маленькие цветы. На новом полу такой коврик выглядел бы весело и немного чуждо, как вещь, подаренная человеком, который помнит её другой. Серый казался спокойнее, и Соён уже представляла босые ноги утром, полоску света от окна.

— Серый, — повторила она. — Мне правда больше нравится.

— Хорошо.

Мать свернула его и убрала в пакет. Разговор мог бы закончиться здесь, но Соён спросила, что у неё за папка на столе.

— Потом расскажу. Мне уже выходить.

— Куда?

— Встретиться договорились.

Соён хотела уточнить, с кем именно, но мать уже смотрела в сторону часов. На ней была синяя блузка, которую Соён раньше не видела, и маленькие серьги.

— Хорошо выглядишь, — сказала она.

— Эти давно лежали, — ответила мать, дотрагиваясь до уха. — Решила надеть. Позвоню вечером, если не поздно будет.

— Не торопись.

После звонка Соён ещё немного сидела с телефоном в руке. Странно было удивляться тому, что у матери на воскресенье есть собственные планы. Она открыла переписку, нашла фотографию ветки на фоне кирпичной стены и снова увидела край синей куртки. В этот раз не стала увеличивать снимок.

Коробка возле колена ждала. Соён достала из неё маленькую аптечку, запасную зарядку, блокнот с давно исписанной первой страницей. На второй было пусто. Она положила блокнот в ящик, рядом с феном, предварительно свернув провод аккуратнее. Только тогда на полке нашлось место для всего остального.

* * *

Вечером Соён решила постирать то, что осталось после переезда. Машина стояла в небольшой хозяйственной нише возле бокового выхода. На стене висела полка с порошками, у каждого — своя бутылка или пакет. Она нашла свободное место, поставила купленное средство и потянулась к дверце.

В барабане лежало чужое бельё, а светящиеся на дисплее нули подсказывали, что стирка давно закончилась. Достать бельё и переложить в таз казалось самым простым решением. Она уже взялась за край полотенца, но вспомнила серую ткань на столе.

— Чья стирка? — спросила она, вернувшись на кухню.

— Моя, — отозвалась Ок, оторвав взгляд от телевизора. — Закончила?

— Да.

— Сейчас выну. Вы следующая?

— Если никто не собирался.

— Здесь не очередь в поликлинике. Спросили — и стирайте.

Хозяйка пришла с тазом. Соён подержала дверцу, пока Ок доставала бельё. Наволочки цеплялись за рукава тонкой кофты; хозяйка распутывала их с раздражённой нежностью человека, который слишком хорошо знает все слабые места своих вещей.

— Эта кофта всегда туда забирается, — сказала она.

Соён засмеялась и взяла таз с другой стороны. Во дворе, куда они вдвоём вынесли таз, на верёвке ещё хватало места. Госпожа Ок показала, куда вешать тяжёлое, чтобы не провисало слишком низко. Соён закрепила одну наволочку, потом спросила, правильно ли. Ок ответила, что правильно, только прищепку надо повернуть.

Когда её собственная стирка закончилась, на улице уже темнело. Соён поставила складную сушилку в отведённое место, расправила футболки и носки. Здесь нужно было помнить, что следом придёт кто-то ещё, но при этом не требовалось развешивать всё так, чтобы никто не догадался о её существовании. На соседней перекладине сохла ярко-красная мужская майка. Она заняла почти всю ширину и никого этим, судя по всему, не оскорбляла.

По дороге к себе Соён увидела носок, висевший за дверью первой комнаты. Она прошла мимо на цыпочках, потом поняла, что идёт без обуви и всё равно почти не издаёт звуков.

На столе стояла зелёная миска. Соён принесла её наверх, чтобы убрать бумагу, и забыла отнести обратно. Она ополоснула миску в ванной, вытерла и спустилась поставить в шкаф. Рядом уже оставили для неё свободное место. Никто не приклеил табличку, но между чашкой Минджэ и высокой пиалой Суми обнаружился ровно подходящий промежуток.

Вернувшись наверх, Соён занялась рабочей сумкой. Завтра можно было не спешить, зато следующая смена начиналась рано; ей не хотелось искать документы среди ещё не разобранных мелочей. На кровати появились футляр с очками, запасные колготки, небольшой кошелёк, ручки, расчёска. Она проверяла вещи по привычному порядку, и от этой знакомой последовательности комната стала чуть менее чужой.

Первая ручка опять подвела, и Соён пришлось перепробовать ещё две. На обороте магазинного чека остались три короткие линии, и только последняя получилась ровной. Она выбросила две неисправные ручки. Обычно носила их с собой ещё неделями, собираясь купить стержни, но стержни всегда оказывались не того размера.

От Джиу пришло сообщение. Та спрашивала, верно ли поняла уточнение к следующему назначению. Соён открыла документы, проверила дату и ответила. Через минуту появилось: «Спасибо. Извините, что в выходной».

Она начала печатать: «Пиши в любое время». Так было бы проще, чем объяснять, когда ей удобно. Затем посмотрела на неразобранную сумку, на дверь, за которой уже затихли шаги, и написала иначе: «Если срочно по назначению, лучше сразу уточняй у ответственного. Я могу быть без связи. Здесь ты всё поняла правильно».

Чтобы смягчить суховатый ответ, Соён добавила улыбающийся знак, потом удалила его. Джиу ответила коротким «Поняла!» и больше не писала.

Соён положила телефон рядом. Ей хотелось проверить, не обиделась ли коллега, но для этого пришлось бы отправить ещё одно сообщение и начать разговор, которого никто не просил. Она застегнула внутренний карман сумки, проверила, легко ли достаётся удостоверение, и поставила сумку возле шкафа.

В зеркале на внутренней дверце отражалась половина лица. Соён наклонилась, примеряя, как будет собирать волосы при таком свете. Из окна падал бледный отсвет соседского фонаря. Утром понадобилась бы настольная лампа. Она передвинула её ближе к зеркалу и включила: стало удобнее.

После этого комната перестала выглядеть совсем готовой для следующего жильца. Лампа стояла под странным углом, возле шкафа появилась сумка, на столе лежал чек с тремя чер-

нильными полосками. Соён могла бы убрать чек сразу, но оставила до утра. Она уже знала, зачем он здесь находится, и не боялась забыть.

* * *

На следующее утро Соён проснулась раньше радио.

Некоторое время лежала, ожидая, что появится причина встать: сообщение, будильник, чужие шаги. Потом вспомнила про яйца в холодильнике и поднялась сама.

Кухня была пустой. На столе лежала записка Ок: «Хлеб в коробке. Я во двор». Соён открыла коробку, увидела вчерашние сладкие ломти, закрыла и достала с полки свою миску.

Рис нашёлся в общей рисоварке; хозяйка накануне сказала, что можно брать, а потом добавлять свою долю к общей покупке. Соён положила немного, достала яйцо и задумалась, где сковорода. В нижнем шкафу стояли три. Она выбрала маленькую, налила масла слишком много, слила часть, разбила яйцо. К её удовольствию, желток лёг посередине сковороды целым.

Пока оно жарилось, Соён нарезала зелень. Нож оказался туповатым, и она положила стебли по одному, чтобы не давить. Из двора вошла Ок с мокрыми руками.

— Уже готовите?

— Решила попробовать.

— Что пробовать? Яйцо?

— Завтрак.

Хозяйка посмотрела на сковороду и ничего не ответила. Взяла полотенце, вытерла руки, поставила чайник. Соён переложила яйцо на рис, добавила овощи из маленького контейнера и села. Ок достала хлеб, посмотрела на неё вопросительно.

— Не будете?

— Я не очень люблю сладкий утром, — призналась Соён и покачала головой.

— А вчера ели.

— Мне было неловко сказать.

Ок на миг задержала руку над коробкой, прежде чем пожать плечами.

— Теперь знаю. Этот я сама доем. Мне нравится.

Пока Соён смешивала рис с желтком, хозяйка села напротив и отломила корочку. Завтрак получился чуть солонее, чем хотелось, но она была голодна и ела с удовольствием. Ок попросила передать джем. Соён передала, и это не вызвало у неё желания объяснить свой отказ ещё раз.

Минджэ спустился последним, в той же футболке, что накануне. У порога он задержался, оглядывая накрытый стол.

— Сегодня можно выбирать?

— Всегда можно было, — сказала Ок.

Он взял хлеб, понюхал, отрезал толстый кусок и сел рядом. Соён заметила, что теперь знает о нём ещё одну маленькую вещь. Он заметил её миску.

— Новая?

— Да.

— Хороший цвет.

Соён провела пальцем по прохладному краю. Маленькая тёмная точка внутри скрылась под рисом. Она собиралась сказать, что в магазине были и другие, что эта подвернулась случайно, что вообще посуда ей не так важна. Но когда она наконец ответила, получилось проще:

— Мне тоже нравится.

Глава 4
Улыбка для пассажира

У калитки Соён по привычке сунула руку во внутренний карман сумки и вспомнила, что удостоверение осталось на новом столе. Она постояла секунду, глядя на пустое отделение, затем вернулась в дом. В комнате удостоверение лежало рядом с лампой, под листком с кодом от входной двери. Соён убрала его, закрыла сумку и проверила ещё раз.

На лестнице ей встретилась госпожа Ок с тазом полотенец.

— Забыли?

— Да.

— Бывает.

Соён ждала продолжения — совета класть всё в одно место, замечания о спешке, вопроса, не опаздывает ли. Но Ок просто отступила, пропуская её на узкой ступеньке.

На улице ещё горели фонари, хотя кое-где в кухнях уже зажёгся свет. Из пекарни вынесли ящики; мужчина придерживал дверь плечом, разговаривая с кем-то внутри. Соён прошла мимо, чувствуя, как форма постепенно возвращает ей знакомый ритм. Плечи расправились, шаг стал короче и ровнее. До станции она дошла по памяти, хотя у аптеки всё равно проверила направление.

На встрече экипажа Джиу сидела с раскрытым блокнотом. Увидев Соён, подняла руку, но тут же опустила: старшая коллега уже начала говорить. Ким Ынсу пробежала взглядом по лицам, уточнила распределение обязанностей и попросила сообщить, если у кого-то появились вопросы. У неё был низкий голос, который хорошо слышали без повышения тона. Соён нравилось с ней работать: Ынсу замечала, когда помощь нужна, и редко вмешивалась только ради того, чтобы показать, что всё видит.

Сегодня предстоял рейс в Осаку и возвращение. Никакого гостиничного окна, никакой чужой подушки — вечером Соён должна была оказаться в своей комнате. Она мысленно отсчитала вещи, оставленные сушиться, и вернулась вниманием к разговору.

Джиу задала вопрос о пассажирах, которым потребуется дополнительная помощь при посадке. Ынсу ответила, попросила повторить порядок действий, убедилась, что всё понятно. Соён заметила, как Джиу перестала сжимать ручку. После инструктажа они вышли рядом.

— Спасибо за сообщение, — сказала Джиу. — Я потом ещё уточнила у ответственного.

— Всё совпало?

— Да. Я просто боялась пропустить изменение.

— Лучше проверить.

Джиу кивнула и потянула ручку чемодана. Одно колесо стучало на стыках пола.

— Надо заменить, — заметила Соён.

— Знаю. После зарплаты.

Она произнесла это спокойно. Соён вдруг вспомнила свой первый рабочий чемодан, у которого ручка выдвигалась только после удара ладонью. Тогда ей казалось, что у опытных коллег ничего не ломается. Теперь она просто знала хорошие мастерские.

— Могу дать адрес, где меняла колесо. Если понадобится.

— Дайте. Только не сейчас, я потеряю в переписке.

— После смены.

Они подошли к самолёту. Разговор закончился сам собой, оставив впереди работу, которую следовало сделать до появления первого пассажира.

* * *

Мужчина в тёмной куртке вошёл одним из последних. Он держал телефон возле лица и говорил, не глядя на людей вокруг. Чемодан катился за ним неровно, цепляя ножки кресел.

В ответ на приветствие Джиу мужчина лишь прошёл мимо, остановился у своего ряда и поднял голову к багажной полке. Там оставалось мало места. Он поставил чемодан поперёк, попробовал сдвинуть соседнюю сумку и раздражённо обернулся.

— Здесь всё занято.

— Я помогу найти место рядом, — сказала Джиу.

— Мне нужно здесь.

Она показала свободное пространство чуть дальше. Мужчина посмотрел так, словно ему предлагали оставить вещи в другом городе. Соён уже сделала шаг к ним, но остановилась. Джиу спокойно объяснила, где будет находиться чемодан, дождалась его согласия и помогла устроить всё так, чтобы полка закрылась. Мужчина сел, продолжая говорить в телефон. Его соседка прижала к себе маленькую сумочку, освобождая проход.

Когда Соён подошла проверить ряд, мужчина уже убирал телефон. Он спросил, скоро ли вылет. Она ответила тем, что знала, не обещая точного времени сверх объявленного. Он недовольно кивнул и отвернулся к окну.

На другом конце салона ребёнок не хотел расставаться с маленьким рюкзаком. Мать уговаривала его, одновременно пытаясь снять пальто. Соён присела рядом, объяснила, куда нужно поставить рюкзак, и показала, что тот останется близко. Мальчик спросил, не уедет ли он один. Она сказала, что нет, и дождалась, пока маленькие руки отпустят лямки.

Затем возникла просьба о пледе, вопрос о пересадке, поиски очков, которые оказались на голове. Всё было знакомым, но не одинаковым: у каждого человека была своя скорость, свой способ сердиться или смущаться. Соён никогда не считала эти мелочи несущественными. Она любила момент, когда салон постепенно устраивался, шум становился ровнее и можно было почувствовать, что люди готовы к дороге.

После взлёта, когда началось обслуживание, мужчина в тёмной куртке снова нажал кнопку. Когда Джиу подошла, он поинтересовался, какой будет завтрак, хотя тележка уже двигалась в его сторону.

— Сейчас предложим варианты, — ответила она.

— Я спрашиваю сейчас.

Джиу перечислила то, что было доступно. Мужчина задал ещё один вопрос, затем выбрал. Соён услышала ответ краем уха, занятая другим рядом. Через несколько минут, когда дошла очередь, Джиу поставила перед ним поднос.

— Я просил другое.

Он произнёс это достаточно громко, чтобы услышали соседи.

Джиу посмотрела на поднос. Соён увидела, как у неё изменилось лицо: не сильно, лишь губы стали неподвижными. Коллега перепутала записанный выбор с выбором пассажира за следующим рядом.

— Извините, я сейчас заменю.

— Вы вообще слушаете, что вам говорят?

Хотя Джиу уже убрала поднос, мужчина продолжал говорить так громко, что к нему поневоле прислушивались в соседних рядах:

— Сначала багаж некуда деть, теперь еда. Вы здесь первый день? Может быть, позовёте человека, который умеет работать?

Соён поставила тележку на тормоз и подошла. Ей захотелось ответить быстро, погасить голос, вернуть всем возможность не участвовать в чужом раздражении. Она знала, как это делается: нужный наклон головы, ровная улыбка, короткое признание неудобства. Но сначала посмотрела на Джиу.

— Ты проверишь замену? Я останусь здесь.

Джиу кивнула и ушла. Мужчина повернулся к Соён, как будто наконец появился настоящий адресат его претензии.

— Я всё ясно сказал.

— Да. Мы ошиблись с вашим выбором и сейчас проверим, чем можем заменить. Мне жаль, что пришлось ждать.

— Что значит «проверим»?

— Нужно убедиться, что нужный вариант остался. Я сразу сообщу.

Она не обещала того, чего пока не знала. Мужчина взял телефон, посмотрел на экран, положил обратно. Соён заметила, что его соседка сидит совершенно неподвижно, держа руки поверх маленькой сумочки.

Джиу вернулась с нужным подносом. На этот раз произнесла название блюда, дождалась подтверждения и поставила его перед пассажиром.

— Наконец-то, — сказал он. — Можно было сразу.

Соён спросила, что он будет пить, и, пока наливала ему напиток, мужчина успел вскрыть упаковку и забыл об обеих.

Через несколько минут остальные пассажиры уже занимались своими делами. Кто-то попросил ещё салфетку, ребёнок сообщил матери, что не хочет зелёное, женщина у прохода поблагодарила за чай. Джиу работала аккуратнее, чем раньше, но теперь каждое движение словно проходило дополнительную проверку внутри неё.

Соён дождалась момента, когда они обе оказались у служебной кухни.

— Всё в порядке?

— Да.

— Ошибка небольшая. Бывает.

— Я знаю, что перепутала, — сказала Джиу, поправляя стопку салфеток.

— Он просто был раздражён ещё до посадки. Не принимай на свой счёт.

Сказав это, Соён заметила, как Джиу посмотрела на неё. Взгляд был не обиженный, скорее удивлённый.

— Он же говорил мне.

— Я понимаю. Но если каждый раз…

— Я не каждый раз. Сейчас.

В наступившей тишине Соён различила знакомое начало собственного ответа: сейчас надо собраться, потом станет легче, со временем научишься пропускать мимо. Она сама много раз получала такие советы и считала их полезными. Иногда они и были полезными. Но Джиу не просила научить её ничего не чувствовать.

— Давай закончим обслуживание, — сказала Соён. — Потом поговорим.

Джиу ответила ей кивком, но привычной улыбки Соён так и не дождалась.

* * *

Возможность поговорить появилась не сразу. Нужно было убрать подносы, ответить на вопросы, подготовить салон к снижению. Мужчина в тёмной куртке попросил ещё воды. Джиу принесла её без заметного колебания, и Соён испытала облегчение, которое тут же показалось ей несправедливым: будто главное состояло в том, чтобы молодая коллега снова выглядела удобной для всех.

После посадки пассажиры потянулись к выходу. Мужчина забрал чемодан, не посмотрев на них. Его соседка задержалась возле двери, поправляя ремень сумки.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Джиу ответила привычным пожеланием хорошего дня. Соён не знала, относится ли благодарность к полёту или к тому, что шум прекратился. Пожалуй, эту маленькую тайну можно было оставить при нём.

Между рейсами они ели быстро, каждая занятая своими приготовлениями. Ынсу села рядом с Соён, открыла бутылку воды и спросила:

— Что случилось в том ряду?

Соён описала ситуацию, стараясь не превращать её в характеристику пассажира. Перепутали вариант, заменили, жалобы после этого не было. Ынсу уточнила, кто услышал первоначальный заказ, как исправили ошибку, не осталось ли нерешённой просьбы.

— Джиу расстроилась, — добавила Соён.

— Это понятно.

— Я сказала не принимать на свой счёт. Кажется, получилось не очень.

— А она что сказала? — спросила Ынсу, закрывая бутылку.

Выслушав ответ Соён ещё раз, старшая коллега кивнула, не торопясь выносить решение.

— Ты хотела, чтобы ей стало легче. Она могла услышать, что расстраиваться нельзя.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. Скажи ей сама.

На этом Ынсу вернулась к рабочим вопросам. Она не произнесла длинной речи о людях и выдержке, и Соён была ей благодарна. Исправить одну фразу казалось возможным. Пересмотреть всё, что она за девять лет считала хорошей работой, прямо сейчас сил не было.

Соён подошла к Джиу, которая стояла чуть поодаль и допивала воду.

— Я не хотела сказать, что ты не должна злиться.

— Мне нужно было просто немного времени, — ответила Джиу, внимательно взглянув на Соён. — Я бы продолжила работать.

— Ты и продолжила. Я видела.

— А прозвучало, будто я уже мешаю.

Соён опустила взгляд на свою бутылку. На пластике осталась вмятина от пальцев.

— Прости. Я торопилась сделать так, чтобы всё стало как раньше.

— Со временем, наверное, правда легче, — предположила Джиу, пожимая плечами.

— Не всегда. Иногда просто лучше прячешь.

Сказав это, Соён почувствовала неловкость: признание вышло более личным, чем она собиралась. Джиу некоторое время молчала, потом спросила, как не перепутать выбор, когда тебя перебивают. На этот вопрос Соён могла ответить конкретно. Они обсудили, как лучше переспросить и подтвердить услышанное, и вернулись к подготовке обратного рейса.

Соён не стала обнимать её или просить улыбнуться. Джиу сама улыбнулась позже, когда коллега уронила на пол пустой бумажный стакан и попыталась поймать его ногой так нелепо, что рассмеялась первой.

* * *

Обратный рейс начался с задержки посадки. Люди ждали у выхода, затем вошли почти одновременно, каждый уверенный, что именно он потратил на ожидание больше остальных. Соён приветствовала их и показывала направление. На третьем одинаковом вопросе она поймала себя на том, что отвечает раньше, чем человек успевает закончить.

— Мне нужно попросить… — обратилась к Соён остановившаяся рядом женщина в светлом пальто.

— Если вы хотите поменяться местами, мы сможем посмотреть после посадки всех пассажиров.

— Я хотела попросить пакет, — пояснила женщина, растерянно моргнув. — У меня порвался.

У её ног стояла бумажная сумка, из которой выглядывала коробка печенья. Увидев оторванную ручку, Соён почувствовала, как у неё загорелись щёки.

— Простите, я неправильно поняла. Сейчас помогу.

Она нашла подходящий пакет, придержала коробку, пока женщина перекладывала вещи, и проводила её взглядом до кресла. Джиу, проходившая мимо, ничего не сказала. Соён была почти уверена, что та слышала разговор.

Потом пришёл мужчина с тяжёлым пальто через руку, за ним пожилая супружеская пара, долго сверявшая номера рядов. Жена всё время опережала мужа на два шага и возвращалась проверить, идёт ли он. Он поминутно поправлял сползающий с плеча ремень сумки и хмурился так, что жене легко было принять его раздражение на свой счёт. Соён показала их места, подождала, пока оба устроятся, и попросила убрать сумку так, чтобы она не мешала проходу. Мужчина поворчал, потом выполнил просьбу. Жена незаметно кивнула Соён, словно они вместе провели небольшие переговоры.

Когда самолёт поднялся в воздух, свет за окном был уже другим, мягче утреннего. Соён любила это изменение: один день успевал вместить несколько оттенков неба, и ни один не принадлежал ей полностью. Она увидела тонкую полоску облака, которую тут же заслонила спинка кресла, когда пришлось наклониться к пассажиру.

Постепенно работа наладилась, и Джиу подтверждала выбор вслух, иногда слишком подробно. Пассажиры отвечали, кто-то не слушал, кто-то менял решение. Соён видела, как коллега пробует найти свой способ, и старалась не поправлять каждую интонацию.

У женщины в светлом пальто упала ручка. Она долго искала её под креслом, стараясь никого не тревожить. Соён заметила наклонённую голову, подошла, помогла найти. Ручка закатилась к стенке. Женщина объяснила, что записывает список подарков, чтобы никого не забыть.

— Я всё время покупаю кому-нибудь два, а кому-нибудь ни одного.

— Можно отметить прямо на пакетах.

— Тогда они подумают, что я заранее распределила.

Женщина улыбнулась Соён в ответ, понимая нелепость собственного возражения, но продолжила писать в блокноте. Позже она попросила дополнительную салфетку, завернула в неё коробку с надломленным углом и довольно посмотрела на получившееся. Соён подумала, что кому-то вечером достанется немного помятое печенье, тщательно спасённое в дороге.

Когда появилась возможность поесть, она достала свой перекус и обнаружила, что забыла ложку. Новая ложка лежала в кухонном шкафу возле зелёной миски. Раньше в её рабочей сумке всегда находилось несколько одноразовых, но перед переездом она всё выбросила, решив, что там слишком много лишнего.

Джиу заметила её поиски и протянула запасную.

— У меня две.

— Спасибо.

— Только не потеряйте. Это единственная, которая не гнётся.

Соён взглянула на обыкновенную пластиковую ложку и рассмеялась, а Джиу со спокойным видом вернулась к работе. Ещё утром Соён казалось, что после их разговора они долго будут избегать друг друга, и кто бы мог подумать, что их снова рассмешит какая-то ложка.

Ближе к концу полёта молодая женщина у окна обнаружила, что потеряла серёжку. Она наклонилась, пытаясь заглянуть под кресло, затем позвала Соён. В ладони у неё лежала вторая серёжка, маленький серебристый цветок.

— Только что была. Я сняла наушники, и она, наверное…

Женщина провела пальцами возле уха, повторяя движение. Соён попросила её пока не искать вслепую под креслом. Когда можно будет безопасно посмотреть внимательнее, они попробуют найти. Гарантировать результат она не могла.

— Она совсем маленькая, — сказала женщина.

— Я вижу. Скажите, если заметите, куда могла упасть.

Соён постаралась запомнить номер ряда и во время подготовки к посадке заметила, что женщина всё ещё держала оставшуюся серёжку, зажав между большим и указательным пальцами. Она выполняла просьбы, но смотрела вниз, будто потерянная вещь могла сама показаться, если следить достаточно упорно.

После посадки, когда основной поток пассажиров вышел и можно было заняться поиском, Соён вернулась к её месту. Джиу вернулась с фонариком, и вместе они осмотрели пространство возле ножек кресла, осторожно проверили край кармана, куда серёжка могла зацепиться. Женщина стояла рядом и всё время повторяла, что не хочет задерживать.

— Вы уже сказали, — мягко ответила Соён. — Мы ещё минуту посмотрим.

Цветок нашёлся в складке куртки самой пассажирки. Она подняла куртку, и серёжка упала на сиденье. Все трое посмотрели на неё, затем женщина рассмеялась — коротко, смущённо, с облегчением.

— Простите. Я заставила вас искать.

— Хорошо, что не ушли раньше, — сказала Джиу, протягивая ей пропажу.

— Они недорогие. Просто мне нравятся.

Дождавшись кивка Соён, женщина надела серёжку, проверила застёжку и только потом взяла сумку. У выхода она ещё раз обернулась, поблагодарила и ушла быстрее, чем хотела, всё ещё стесняясь потраченного на неё времени.

— В карман надо было положить, — сказала Джиу, глядя ей вслед.

— Тогда искали бы карман, — ответила Соён.

Они улыбнулись и вернулись к остальным обязанностям. Соён нравилось, когда маленькая задача всё-таки заканчивалась: вещь находилась, человек уходил спокойнее, можно было убрать чужую заботу из головы. В этот день такой удачный конец понадобился и ей. Она не стала говорить об этом Джиу, только помогла собрать оставшиеся вещи в их части салона и заметила возле одного кресла смятую бумажную салфетку. На ней был нарисован самолёт с чрезмерно длинными крыльями. Соён подняла её вместе с остальным мусором, на секунду рассмотрела и выбросила. Не каждую находку нужно было сохранять.

За оставшееся время Соён успела устать так, как устают в знакомой работе: без неожиданностей, постепенно, от множества небольших движений. К концу смены ноги казались чуть тяжелее, чем утром, кожа лица — сухой, а голос требовал усилия. Она всё ещё отвечала спокойно. Это умение не пропадало вместе с запасом терпения; просто дома за него иногда приходилось расплачиваться.

* * *

После всех заключительных дел Ынсу остановила их на минуту. Она коротко отметила, что прошло хорошо, напомнила о нескольких рабочих деталях и поблагодарила экипаж. Про утренний конфликт при всех не говорила. Соён поймала благодарный взгляд Джиу и подумала, что та, возможно, боялась именно этого: снова стать тем человеком, у которого что-то случилось.

На выходе они пошли вместе. Соён достала телефон и отправила адрес мастерской.

— Колесо, — пояснила она.

— Вы помнили?

— Я обещала.

— Он тоже напоминал весь день, — заметила Джиу, покосившись на стучащий чемодан.

Они остановились у развилки. Джиу поблагодарила ещё раз, затем нерешительно добавила:

— Я утром не хотела вам грубить.

— Ты и не грубила.

— Мне показалось, что голос был резкий.

Соён уже собиралась заверить её, что ничего не заметила, но всё-таки ответила честным кивком.

— Был. Ты расстроилась. Я поняла.

Джиу выдохнула с явным облегчением, потому что ей больше не приходилось спорить с очевидным. Попрощавшись с ней, Соён пошла к поезду, потом вспомнила, что теперь выходить нужно на своей новой остановке, и проверила маршрут, хотя уже знала его.

На платформе Соён остановилась перед автоматом с напитками. Ей хотелось холодного чая, но она долго смотрела на одинаковые бутылки, не в силах выбрать. Позади подошёл человек, и Соён сразу отступила, пропуская его. Он купил воду за несколько секунд. Автомат загудел, бутылка упала в отсек.

Соён вернулась к экрану и выбрала тот чай, который уже пробовала раньше. Чтобы отвернуть тугую крышку, Соён обхватила её краем рукава, попробовала ещё раз, потом поставила бутылку в боковой карман сумки. Дома найдётся полотенце, с которым будет легче. Эта небольшая неудача почему-то раздражала сильнее утреннего разговора: тогда хотя бы было понятно, кому и что нужно сказать.

Поезд подошёл почти сразу. Соён дождалась, пока выйдут люди, и вошла, придерживая чемодан за ручку.

В вагоне нашлось свободное место. Устроив сумку на коленях, Соён закрыла глаза, и за веками ещё долго двигались лица пассажиров и руки, протянутые за стаканчиками. Сосед вполголоса говорил по телефону, каждое слово было слышно. Соён полезла за наушниками, но один успел разрядиться, и до конца разговора пришлось слушать чужой голос.

От матери пришло сообщение: «Как работа?»

Соён написала «Нормально» и сразу поняла, что ничего не ответила. Но объяснять утреннего пассажира, Джиу, собственную ошибку у входа в самолёт сейчас не могла. Она добавила: «Устала. Завтра расскажу».

Мама почти сразу откликнулась и посоветовала ей ложиться.

Соён смотрела на эти два слова, пока экран не погас. Ей нравилось, когда от неё ничего больше не требовали, даже если выполнить совет было ещё невозможно.

До дома она шла медленно. У пекарни уже убрали часть вывесок, за стеклом кто-то протирал пол. Соён подумала купить что-нибудь, но увидела только сладкое и прошла дальше. В сумке лежал нетронутый кусок перекуса. Этого должно было хватить до сна.

Калитка открылась после второго нажатия: она перепутала последние цифры. Соён тихо выругалась, оглянулась и набрала код правильно.

* * *

На кухне горел верхний свет. Суми стояла возле сушилки и раскладывала на перекладинах тонкие тёмные вещи. От ткани пахло влажной шерстью. На столе лежали нитки, маленький отпариватель и чехол.

— Добрый вечер, — сказала Соён.

— Здравствуйте. Как смена?

— Нормально.

Слово вышло таким же пустым, как в сообщении матери. Соён поднялась в комнату, сняла форму, посмотрела на светлую блузку. На манжете был след от кофе, совсем небольшой, но завтра надеть её уже нельзя. Запасная висела в шкафу, однако Соён помнила, что та плохо отглажена после переезда. Ей хотелось разобраться с обеими сразу, чтобы утром не искать решение.

Она замыла манжету в ванной, повесила блузку на вешалку и спустилась, собираясь найти место на сушилке. Все перекладины были заняты.

— Можно здесь немного сдвинуть? — спросила она.

— Лучше не надо, — попросила Суми, взглянув на ткань. — Они ещё влажные, могут отпечататься друг на друге. Через час уберу.

— Мне только одну вещь.

— Сейчас правда некуда. Может, повесить на крючок в ванной?

Соён посмотрела на тёмную ткань. Ей показалось, что места достаточно, если соседка просто захочет подвинуть своё. За день она несколько раз находила пространство там, где его не было: для багажа, подносов, чужих локтей. Теперь никто не хотел выделить даже маленького участка для её блузки.

— Это всё ваши вещи?

— Заказ, — ответила Суми и перестала поправлять край. — Я стираю ткань перед переделкой.

— Значит, общая сушилка у нас для мастерской?

В притихшей кухне Соён различила в собственном голосе почти торжествующую нотку. Наконец-то высказала то, что давно хотелось высказать, и надо же было обрушить всё это именно на Суми, которая к её обиде имела так мало отношения.

— Я не знала, что вам нужно место, — ответила Суми. — Сказали бы заранее.

— Я сама не знала. Я была на работе.

— Я тоже работаю.

Соён крепче сжала вешалку. Ей хотелось ответить, что она не это имела в виду, но сейчас это было бы неправдой: на одну короткую секунду ей действительно показалось, что её усталость важнее.

— Что случилось? — спросила заглянувшая из коридора госпожа Ок.

— Ничего, — сказала Соён слишком быстро.

Пока Суми молчала, хозяйка переводила взгляд с блузки на сушилку.

— В ванной есть перекладина. Вода с манжеты капать не будет на пол. Завтра высохнет.

— Хорошо.

Соён уже поднималась по лестнице, когда вслед ей донёсся голос Суми:

— Я уберу через час, как и сказала.

В комнате Соён положила вешалку на кровать и села рядом. Манжета оставила на покрывале маленькое мокрое пятно. Она тут же подняла блузку и пошла в ванную, злясь уже на себя, но так же без толку.

* * *

Запасная блузка оказалась вполне пригодной. Соён достала её из шкафа, провела ладонью по ткани и поняла, что залом был только на рукаве. Его можно было разгладить за минуту.

Она повесила блузку обратно. Теперь у ссоры исчез последний разумный повод, и от этого стало ещё неприятнее.

Внизу кто-то закрыл шкаф. Соён представила, как Суми складывает свои вещи и рассказывает хозяйке, что новая жилица считает её работу недостойной общей сушилки. Ей захотелось спуститься немедленно, пока рассказ не оформился окончательно. Она поднялась, затем снова села. Если идти только ради того, чтобы изменить чужое мнение о себе, получится ещё один разговор, в котором соседке придётся делать то, чего Соён от неё ждёт.

Переодевшись и умывшись, Соён съела оставленную для неё еду, уже успевшую остыть. С каждым кусочком голова прояснялась. На телефоне по-прежнему светилась благодарность Джиу за адрес, и, закрывая переписку, Соён вспоминала лицо соседки, которую успела обидеть, пока выручала коллегу.

Через некоторое время Соён спустилась за водой. Суми всё ещё была на кухне, теперь складывала ткань в чехол. К тому времени добрая половина прутьев уже освободилась.

— Можно сказать? — спросила Соён.

— Я грубо ответила, — начала Соён, дождавшись, пока Суми поднимет глаза. — Про мастерскую. Вы ничего не нарушили, а я заговорила так, будто здесь всё только для меня.

Соён запнулась, хотя ей хотелось ещё добавить про рейс, пассажира, недосып, но Суми не просила отчёт о причинах.

— Мне было неприятно, — сказала соседка.

— Я понимаю. Простите.

— Я занимаю сушилку не каждый день, — пояснила Суми, проводя пальцем по застёгнутой молнии чехла. — Если понадобится надолго, могу предупреждать.

— Я тоже буду спрашивать заранее, когда знаю.

— Хорошо.

Суми застегнула чехол и ушла наверх с тем же серьёзным выражением, с каким выслушала извинение. Соён осталась у раковины и только теперь заметила, что так и держит в руке пустой стакан.

Госпожа Ок смотрела телевизор, убавив звук почти до шёпота. Она посмотрела на Соён, затем снова на экран.

— Блузку повесили?

— Да.

— Тогда дверь ванной оставьте приоткрытой. Быстрее высохнет.

Соён кивнула и прислушалась в надежде, что хозяйка скажет что-нибудь утешительное, но та переключила канал. Пришлось просто налить воды и вернуться в комнату.

Перед сном Соён проверила будильник, удостоверение и рабочую сумку. Потом достала телефон и написала матери: «Я дома. Поела». Мать ответила почти сразу: «Спи».

В ванной блузка висела ровно, манжета уже была едва влажной. Соён оставила дверь приоткрытой, как просили, и погасила свет. Проходя мимо второй комнаты, она замедлила шаг, но стучать не стала. Суми имела право закончить этот вечер без ещё одного разговора.

Глава 5
Ужин без повода

У кочана капусты было собственное место в холодильнике, и это место требовалось госпоже Ок для кастрюли.

Соён узнала об этом, вернувшись из магазина с маленьким пакетом молока. Хозяйка стояла перед открытой дверцей, одной рукой придерживая полку, другой — капусту, завёрнутую в прозрачную плёнку. Капуста была огромная, бледная, с чуть подсохшим срезом. Соён подумала, что при хорошем освещении её можно было бы принять за спящего ребёнка.

— Это ваше? — спросила госпожа Ок.

— Нет.

— Я знаю, что не моё. Уже кое-что.

Из коридора показалась Суми с лентой, перекинутой через плечо. Она заглянула в холодильник и сказала, что капусту принёс Минджэ. У его коллеги родители выращивали овощи. Минджэ взял половину подаренного, не выяснив заранее, сколько составляет целое.

— Значит, сегодня будем её есть, — решила госпожа Ок.

— Я только молоко купила, — сказала Соён.

— Молоко оставим на завтра.

Она положила кочан на стол и достала нож. Соён сняла куртку, помыла руки и встала рядом. Ей понравилось, что ужин возник так просто: никому не требовалось выбирать ресторан, договариваться за неделю или объяснять, почему хотелось увидеться. Нужно было освободить холодильник.

Госпожа Ок отвела ей край стола. Суми ушла наверх и вернулась с контейнером отварного риса. В рисе торчала пластиковая ложка.

— Это с обеда. Я не доела.

— Тогда положите в свою миску, — сказала хозяйка. — Общий рис сейчас сварим.

— Я собиралась предложить только вам.

— Очень щедро. Но я предпочитаю ужин, в котором вы уже не участвовали.

Суми засмеялась и унесла контейнер к своему месту. Соён улыбнулась в разделочную доску. Она всё ещё не всегда понимала, когда здесь сердятся всерьёз. Вчера ей показалось, что Суми обиделась из-за полотенца на спинке стула, но через пять минут та попросила подержать ткань. Сегодня слова были резче, а никому, кажется, не стало неприятно.

Соён разрезала капусту на слишком ровные полоски. Госпожа Ок посмотрела, ничего не сказала и положила перед ней морковь.

— Эту можно крупнее. Мы не на выставку.

Из комнаты Минджэ донёсся звук будильника. Он замолчал, зазвонил снова, потом наверху что-то упало. Через несколько минут Минджэ спустился в серой футболке с отпечатавшейся на плече складкой. Он внимательно оглядел кухню, словно за время его сна изменилось её назначение.

— Какой праздник?

— Ваш овощ, — ответила госпожа Ок.

— Я хотел завтра с ним что-нибудь сделать, — сказал он, оглянувшись на стол.

— Завтра он хотел сделать что-нибудь с моим холодильником.

Минджэ открыл шкаф, достал четыре миски и остановился. Зелёная миска Соён стояла отдельно, на отведённой ей полке. Он кивнул в её сторону:

— Можно вашу?

Соён сразу сказала, что можно. Вопрос был настолько маленьким, что она не успела приготовиться к приятному чувству. Несколько дней назад миска ещё принадлежала магазинной полке; теперь её узнавали среди другой посуды.

* * *

Она предложила нарезать оставшиеся овощи, потом — сделать салат, потом спросила, кто будет чай, а кто воду. Минджэ хотел сначала поесть. Суми сказала, что ей всё равно, и тут же уточнила, что холодную воду она не хочет. Госпожа Ок велела всем убрать со стола то, что нельзя было есть.

На столе лежали ножницы, моток ниток, рекламный листок магазина, квитанция, карандаш без резинки и маленькая отвёртка. Минджэ собрал всё в ладони, но Суми потребовала вернуть ножницы. Квитанцию забрала хозяйка, а за отвёрткой так никто и не потянулся.

— Она здесь с воскресенья, — сказала Суми.

— Значит, пока оставим, — решил Минджэ.

— На месте пятого гостя? — спросила Соён.

Он посмотрел на свободный угол стола и аккуратно положил отвёртку на салфетку. Суми прыснула со смеху. Госпожа Ок забрала её и спрятала в ящик, не поддержав церемонию.

Соён поставила воду, пододвинула миски, проверила, хватает ли ложек. Села, когда все уже начали есть. Капуста оказалась мягкой и сладковатой, бульон пах перцем. Ей хотелось попросить рецепт, но она знала, что не приготовит его в ближайшее время, и отложила вопрос.

— Вам ещё? — спросила она Минджэ.

— Я только начал, — ответил Минджэ, подняв глаза от миски.

— Да. Конечно.

Через минуту Соён потянулась за салфеткой, которую Суми уронила возле стула. На этот раз сама Суми успела подобрать салфетку первой.

— Я достану.

Лишь когда Соён выпрямилась, она заметила, что опять сидит на краю сиденья. На работе отсюда было удобно вставать. Дома спинка стула стояла у неё за спиной почти без дела.

— У вас рис остывает, — сказала госпожа Ок.

Едва Соён взялась за ложку, как на телефоне загорелся экран. В общем чате искали владельца короткого белого кабеля, и хотя свой она узнала бы с первого взгляда, пальцы сами растянули фотографию.

— Важное? — спросила Суми.

— Нет.

Стоило Соён перевернуть телефон, как он снова завибрировал, и она прижала его локтем, будто от этого он мог вести себя тише.

Минджэ тем временем объяснял, почему оставил пакет с луком на лестнице. Он собирался занести его наверх, но потом понял, что луку наверху делать нечего, и решил сначала сходить за зарядкой.

— Между первым и вторым решением прошло шесть часов, — сказала Суми.

— Я спал.

— Лук тоже.

Он признал, что пакет следовало убрать. Потом рассказал, как на работе несколько коробок оказались подписаны одинаково: отправитель перепутал номера и решил исправить только самые заметные. Никто ничего не потерял, зато трое сотрудников полчаса выясняли, какая надпись относилась к содержимому, а какая — к надеждам отправителя.

— Я бы наклеила новую этикетку поверх старой, — сказала Соён.

— Он тоже наклеил. Четыре.

Минджэ изобразил, как они по очереди отгибали углы. Он говорил редко, но сейчас так точно повторил чужое усталое лицо, что Соён едва не подавилась рисом. Госпожа Ок молча подвинула к ней воду.

Суми рассказала про мужчину, который принёс укоротить рукава и попросил сохранить старую длину на случай, если передумает. Он долго не мог поверить, что лишнюю ткань придётся куда-нибудь деть. Соён вспомнила пассажира, которому досталось кресло у глухого простенка. Самолёт был заполнен, но мужчина требовал найти ему место у иллюминатора и каждый раз спрашивал, хорошо ли она посмотрела. Соён уже открыла рот, но остановилась.

— Что? — спросила Суми.

— У меня тоже есть история про человека, который хотел невозможного.

— Нам хватит одной, если она длинная.

— Нет, короткая.

Соён пересказала историю так, что из всех подробностей слушателям досталась одна поистине непоколебимая вера пассажира в то, что старательный экипаж всегда найдёт для него лишнее окно. Минджэ оглядел кухонную стену и заметил, что здесь дополнительное окно тоже пришлось бы кстати.

Соён вдруг поняла, что за столом никто не проверяет, правильно ли она отреагировала тогда. Можно было просто вспомнить нелепую минуту и посмеяться над ней.

* * *

К концу ужина супа осталось больше, чем в начале помещалось в холодильник. Госпожа Ок стояла над кастрюлей с тем выражением, с каким смотрят на ошибку в несложном расчёте.

— В следующий раз начнём с воды, — предложил Минджэ. — Она хотя бы не занимает полку.

Соён собрала миски, но Суми попросила не уносить её: она ещё ела. Минджэ вызвался мыть посуду и сразу уточнил, что кастрюлю пусть оставят отмокать. Госпожа Ок сказала, что знает этот способ: кастрюля будет отмокать, пока кто-нибудь другой не вымоет её утром.

— Я поставлю будильник, — пообещал он.

— На посуду?

— У меня на всё есть будильник.

Он показал телефон. На экране действительно выстроился длинный список: подъём, выход, напоминание забрать куртку, ещё один подъём. Последний был подписан «точно встать». Суми попросила прислать ей звук этого будильника, чтобы ставить его возле швейной машины, когда заказчики задерживаются с оплатой.

Соён уже поела, но всё ещё сидела за столом, раздумывая, что делать с руками. Сначала сложила салфетку, потом развернула, чтобы не выглядеть человеком, который ждёт окончания собрания. Суми пододвинула к ней тарелку с кусочками груши.

— Берите. Если ещё будете полировать эту бумагу, от неё ничего не останется.

Груша была прохладной, с тугой влажной мякотью. Соён взяла второй кусочек. На улице кто-то прокатил тележку; колёса несколько раз ударились о стык плит. В кухонном окне на мгновение показалась тёмная куртка и стопка светлых ящиков. Человек остановился возле соседнего здания, затем пошёл дальше. Госпожа Ок взглянула на часы и сказала, что пекарня опять привезла муку поздно. Соён не спросила, откуда она это знает.

Когда Минджэ закончил с мисками, оказалось, что кухонный стул под ним качается. Он встал, перевернул его и обнаружил, что на одной ножке нет резиновой накладки.

— Вот куда делся звук, который я слышала всю неделю, — сказала Суми.

— Звук никуда не делся, — заметила госпожа Ок.

Минджэ хотел подложить сложенную бумагу. Хозяйка запретила: завтра все забудут, бумага намокнет, а стул снова будет качаться. Суми сказала, что утром собирается в мастер-

скую за деталью для машины. При словах Суми о хозяйственном магазине по соседству Соён вспомнился стоптанный каблук.

— Мне тоже нужно туда. В ремонт обуви.

— Тогда пойдём вместе, — предложила Суми. — Только я выхожу в десять. Я не умею выходить «примерно после завтрака».

— В десять мне удобно.

Соён сказала это раньше, чем успела проверить расписание. Потом вспомнила, что у неё действительно свободное утро. Никакой ошибки не случилось.

Госпожа Ок протянула Минджэ накладку с соседней ножки.

— Возьмите образец. Не покупайте похожую на глаз.

— Мне тоже идти?

— Вы же хотели что-нибудь сделать с капустой. Теперь сделайте со стулом.

Он посмотрел на маленький чёрный кружок у себя на ладони и согласился. Соён поняла, что общая прогулка только что была назначена без единого сообщения в чате.

Уже у себя Соён узнала из переписки, что хозяин зарядного кабеля нашёлся. Мир за время ужина успел обойтись без её участия, но это пока казалось скорее совпадением, чем правилом.

* * *

В десять Суми уже ждала у двери. Она надела длинный светлый жилет, застегнула его на одну пуговицу и держала сумку из плотной ткани. Соён спустилась с пакетом обуви. Минджэ появился последним, с мокрыми волосами и образцом накладки, приклеенным скотчем к листку.

— Чтобы не потерять, — объяснил он.

— Вы умеете подписывать, — сказала Суми. — После вчерашнего рассказа я переживала.

Листок был подписан крупно: «Стул. Одна штука». Суми кивнула, сочтя это достаточным.

Они пошли не к станции, откуда Соён обычно возвращалась домой, а в другую сторону. За аптекой начиналась улица с низкими вывесками, велосипедами возле дверей и горшками, в которых ещё ничего не цвело. Соён несколько раз проходила неподалёку, но не знала, что за магазином телефонов есть короткая лестница, а за ней — двор с ремонтом обуви и небольшой мастерской.

Суми поздоровалась с женщиной, вытряхивавшей коврик. Женщина спросила, не готова ли её юбка. Суми предложила зайти завтра после трёх, а когда женщина спросила, можно ли утром, тем же ровным голосом повторила назначенное время.

Соён удивилась этой ровности. Она сама наверняка добавила бы объяснение про другой заказ, сломанную иглу или поставку ткани. Суми уже шла дальше.

— А если она придёт утром?

— Тогда ей придётся прийти ещё раз.

Суми сказала это без удовольствия. Она не собиралась никого воспитывать, просто знала, когда будет готова юбка.

В обувной мастерской пахло клеем и кожей. Мастер взял туфли Соён, поставил их рядом и прищурился. Соён машинально выпрямилась, словно он собирался оценивать, насколько аккуратно она работала.

— Ходите много?

— Да.

— Заметно.

Он показал стёртый край, спросил, когда нужны туфли. Соён хотела сказать «как вам удобно», но Суми стояла рядом, и почему-то при ней произносить это оказалось неловко.

— Послезавтра утром я уезжаю. Смогу забрать завтра вечером?

Сверившись с записями, мастер согласился и записал телефон Соён. Когда он положил туфли на полку, ей неожиданно захотелось попросить обращаться с ними бережно. Туфли были недорогие, давно перестали выглядеть новыми, но без них завтрашний день казался не совсем собранным.

Суми тем временем забрала из соседнего помещения коробочку с металлической деталью. Мастер показал ей что-то на старой машине. Она присела, проверила ход рычага, задала два коротких вопроса. Соён ждала у двери и видела её профиль: сосредоточенный, совсем не такой, как вчера за столом. Суми не говорила о своей работе с важностью, но здесь всё знала лучше, чем Соён могла понять за одно утро.

Минджэ потянул Соён к хозяйственному магазину: он уже нашёл на витрине накладки. Их оказалось шесть видов. Он сравнил образец с первым, со вторым, потом вернулся к первому. В ответ на вопрос продавца о диаметре ножки Минджэ протянул ему листок.

— Здесь написано «одна штука», — сказал продавец.

— Я знаю.

Они позвонили госпоже Ок. Та не сразу ответила, потом долго искала линейку и сообщила размер. Минджэ записал его под словом «стул». Соён рассматривала рядом маленькие крючки, губки, прищепки, коробочки для винтов. Раньше подобные магазины вызывали у неё желание поскорее вспомнить, зачем пришла, и выйти. Теперь время ничем не подгоняло. Она выбрала два простых крючка на липкой основе, чтобы не держать сумку на полу.

У кассы Минджэ предложил оплатить всё вместе. Соён отказалась, но он уже протягивал деньги. Она успела придержать свои покупки.

— Это мне. Я отдельно.

— Хорошо.

Из магазина оба вышли в добром настроении, каждый с пакетом, хотя все их покупки уместились бы в одном кармане.

* * *

Суми догнала их возле перекрёстка и заявила, что теперь хочет кофе. Минджэ посмотрел на часы: ему требовалось поспать перед сменой. Он забрал накладки, пообещал установить их до сна и ушёл короткой дорогой. Соён и Суми зашли в маленькое кафе с тремя столиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.